

Олег Бондарев

Рыцарь понарошку

«Автор»

2006

Бондарев О. И.

Рыцарь понарошку / О. И. Бондарев — «Автор», 2006

ISBN 5-9717-0333-1

Деревенщине Фэту, славному только тупыми «молодецкими» выходками и чудовищной ленью, выпал шанс стать владельцем поместья, герцогом и даже зятем короля загадочной Астарты. Для этого ему нужно всего-навсего притвориться благородным рыцарем и выиграть турнир. Долог и извилист путь в королевский дворец. Что только не встретится в фэнтезийной дороге! Но самое трудное, похоже, – выглядеть в любых ситуациях рыцарем. Пусть ты пока и рыцарь понарошку.

ISBN 5-9717-0333-1

© Бондарев О. И., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ПРОЛОГ,	5
Глава 1	14
Глава 2	31
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Олег Бондарев

Рыцарь понарошку

ПРОЛОГ, или КАК ЗАВЯЗАЛСЯ УЗЕЛ

Нет ничего хуже в жизни, чем быть простым деревенским лентяем.

По крайней мере так считала покойная мать Фэта – Тюлейн.

Может, это даже были ее последние слова: сын тогда отказался ехать к лекарю, и вот результат...

Фэт помогал нести гроб.

А потом – понеслась сиротская жизнь...

Пришлось даже работу найти, чтобы с голоду не подохнуть: раньше все медяки мама зарабатывала, а он лишь в теньке спал да похрапывал. Вставал только раз в день, да и то – чтобы пожрать. Но обедал за троих, словно отъедаясь за пропущенный завтрак и забытый вечером ужин. А потом опять спал – комарам на радость.

Теперь про полуденный сон можно забыть, с горестью думал Фэт, возя шваброй в пыльном углу. Да и не наешься: корчмарь, зараза, все себе в прибыль выкручивает – и при деньгах, и работники не ропщут. Даст утром миску каши и хлеба черствого – вот и вся еда. В обед, правда, в супе и кости попадают... Ну, да Фэт скоро и свои пощупает, на таком-то пайке! Впрочем, бывало, заходили в таверну проезжие герои-рыцари, которые угощали истекавшего слюной полотера светлым пивом да жареным мясом и рассказывали о приключениях, в какие их дорога бросала. После трех-четырех кружек рот сам собой открывался, и Фэт с жадностью глотал рассказы о дальних странах и бескрайних морях, о злобных огнедышащих драконах и их вырождах василисках, о прекрасных принцессах и заговоренных мечах.

После пятой воображение услужливо рисовало огромное поле, усеянное телами поверженных ящеров. Восседал на этой куче, конечно, сам Фэт, с волшебным клинком, поднятым высоко над головой, и красавицей-принцессой, жмущейся к его волосатой груди.

На шестой и седьмой кружке сирота все еще мирно витал в облаках, мысленно любясь собственным отражением на лезвии меча и тиская хихикающую наследницу престола.

Но на восьмой реальный мир сливался с придуманным, и Фэт, схватив подвернувшуюся под руку табуретку, начинал бегать за перепуганным рассказчиком с криком: «Куда принцессу дел, хвостокрыл?!».

Благо в таверне все табуретки от разбития заговорены были.

Жаль, что на головы щедрых гостей таверны наложить подобные заклятия никто не додумался.

Впрочем, хозяин корчмы по этому поводу особо не горевал: клиенты иностранные и так редко появлялись, что ж о них жалеть? Своего люда хватает, не пожалуешься!

Однако ж и местные, не будь дураками, прознали, что Фэт-то на что лентяй и пропойца, а много историй увлекательных знает. Так, сначала один с ним пиво вызвался пить, потом еще и еще...

Ну, конечно, не совсем прямо перебил – живы остались, только без зубов да все в шишках. Да и грех было не уйти из таверны с синяками, если раздавать оплеухи брался такой дородный парень, косая сажень в плечах! И пусть нечесанные русые волосы до плеч и простоватый взгляд выдавали в нем обычного деревенского лопуха, увечий меньше не становилось: слишком уж был он силен, этот «лопух»!

Селяне, как и говорилось выше, дураками не были и в корчму ходить перестали.

И вот, в один прекрасный день, когда в таверне не было ни души, корчмарь окинул пустующий зал долгим взглядом и, тяжело вздохнув, позвал к себе Фэта.

– В чем дело, сэр Протти? – спросил озадаченный сирота, подходя к хозяину.

– Какой еще сэр, дубина?! – воскликнул разозленный до предела корчмарь. – Ты где этих обращений понабрался?! У нас тут что, королевский двор?!

Фэт смущенно шмыгнул носом.

– Ты и так тут допрыгался, герой легенд, твою... Видишь, к чему твои подвиги с табуреткой привели? Нет в таверне никого, все тебя боятся, дома пиво варят и пьют!

– Ну, а что мне поделать, если пиво на меня так действует?

– Так и не пей его!

– Не могу. Нельзя людей обижать – они же от чистого сердца!

– Скорее от грязных почек. – Корчмарь пошарил в карманах и, выислав серебряную монетку, бросил ее Фэту: – На вот тебе, и иди на все четыре стороны!

– Как – «иди»? – так и обомлел парень. – Я ж еще не везде убрал! Или у меня сегодня выходной по случаю того, что посетителей нет? Вот и деньги вы мне, чтоб погулял, за ваше здоровье выпил, дали... Так же ведь?

– Пошел вон, – процедил Протти, едва сдерживая праведный гнев. – А не то позову братьев Хилых, уж они тебе все объяснят и покажут! Чего встал? Выгоняю я тебя, недотепа!

Глаза Фэта разом намокли, и первая, самая отважная слезинка разбилась о грудь.

– Да как же?... – пробормотал он жалобно. – Я ведь сирота!

– Ну и что? – пожал плечами Протти. – Я вон тоже сирота, но тут либо ты без работы останешься, либо мы с тобой оба. А я, знаешь, не для того таверну открывал, чтобы из-за пропойцы и дебошира все дело коту под хвост спускать. Так что – уж извини!

Фэт, посмотрев в невозмутимое лицо корчмаря, решил, что уговорами своего не добьешься – только делом. Собрался уже мебель ломать, но сразу вспомнил, что заговорили ее маги, по просьбе Протти. Посуду? Та же беда... Подумав еще немного, Фэт махнул рукой и, на всякий случай сунув кулаком в проттское рыло, вышел прочь из таверны.

К слову, рыло то, им подбитое, одно во всей корчме заговоренным и не было.

Но Фэт об том уже не думал: одолели его неожиданно мысли, что здорово было бы купить себе меч. Да не простой, а заговоренный. Чтобы, если нечисть какая увидела – вмиг шарахалась, а то и пеплом обращалась.

Хотя где такой меч в их захолустье найти?

А еще важнее – денег на него?

За серебряную монетку ему по большой щедрости дадут заговоренного пинка в любой кузне. Да только пинком тем Фэт и сам владел в совершенстве и отлично знал, что таковым орудием негодную Богу тварь не прибить.

И тут в спор решил вмешаться желудок.

Урчание бросило Фэта в уныние: жрать хотелось жутко, а монетка была всего одна, пусть и серебряная. И неизвестно теперь, когда хоть медяк подвернется: отдававшие Фэтова «гостеприимства» посетители корчмы (а это были по большей части все жители деревни) вряд ли станут брать на службу нестойкого к пиву лентяя, совсем недавно избивавшего их до полусмерти.

С горя Фэт купил у старой бабки на рыночной площади с пяток пирожков да немного кваса и пошел домой, уныло чавкая и прихлебывая из кружки.

Не успел он, однако, отдалиться от площади и на десяток шагов, как сзади послышались крики:

– Пожар! Пожар!

– Ироды Фросю жгут!

Фэт злобно сдвинул брови: уж родную деревню он никаким драконам жечь не даст!

А жгли, несомненно, хвостокрылы: из-за забора то и дело вылетали огненные их плевки.

«Вот где силу рыцарскую покажу!» – обрадовался без пяти минут спаситель и стремглав бросился домой – снаряжаться на бесчестный бой с подлыми ящерами.

Естественно, в старой бревенчатой избе не нашлось ничего лучше пары ржавых крышек от кастрюль, сита да сковороды с кочергой. Облачившись, Фэт долго разглядывал себя в зеркало и не мог понять: то ли у него от пива зрение испортилось, то ли он действительно походил на вешалку для кухонной утвари. Впрочем, выбирать не приходилось, и недоделанный рыцарь, лихо раскручивая кочергу над головой, устремился на рыночную площадь.

В деревянной ограде, окружавшей город, зияла гигантская дыра; большинство домов, у этой прорехи стоявших, горели на зависть всем кострам мира. А из дыры то туда, то сюда сновали черные всадники на вороных жеребцах. Хотя, может, это и мерины были – Фэт особо не приглядывался.

Вместо этого он, залихватски крича что-то ругательное и устрашающее, бросился на ближайшего конника.

Черный, заметив этакое чудо, на него несущееся, только хмыкнул и, скривив небритую физиономию в довольной ухмылке, вытащил из ножен меч. Видимо, он ожидал, что Фэт окажется полным дураком и пойдет с всадником в ближнюю.

Однако сирота, резко остановившись в трех шагах от деревенского разорителя, что есть силы запустил в него сковородой.

Всадник, ошарашенный, не успел даже качнуться в седле: бронебойный снаряд снес его с коня в дорожную пыль. Фэт скривился в победной усмешке: на лбу поверженного врага уже вздувалась большущая шишка, а глаза сошлись на переносице.

«Что-то хлипкие нынче драконы пошли! – с некой грустью подумал обвешанный крышками герой. – Сковородок на вас нет!» Погрозив сраженному всаднику, Фэт отправился в прореху – добывать остальных драконов.

Впрочем, те явно подготовились к встрече: едва нога героя ступила за невидимую черту, отделявшую Фросю от остального мира, как на великана набросили крепкую рыбацкую сеть и разом прижали к земле чем-то тяжелым, а именно – четырьмя всадниками.

Сколько Фэт ни дергался, только сам устал и руки веревками в кровь растер. Решив сбить врагов с толку, сирота закрыл глаза и прикинулся мертвым.

– Буйный малый! – усмехнулись сверху.

– Да пошел ты! – процедил сквозь зубы «мертвый» Фэт.

– Да еще и грубый какой! – хохотнул другой голос.

Фэт приоткрыл один глаз и глянул на парочку, так опрометчиво решившую посмеяться над ним, великим победителем драконов.

Надо признать, увиденное его несколько удивило.

Вместо двух огнедышащих тварей, которые оплевывали Фросю полчаса тому назад, перед ним, поверженным, стояли самые обычные люди (а может, и перевоплотились, гады, – кто их разберет?). В количестве двух штук, как сказал бы привереда-корчмарь.

Один – высокий, аристократичный, с короткой бородой, тонкими усиками и густой шевелюрой, прикрытой сверху грязно-серой шляпой с пером. Про себя Фэт тут же прозвал красавчика Щеглом.

Второй же был словно антиподом спутника: пусть и того же роста, но коротко стриженный, с кустистыми бровями и трехдневной щетиной на лице, а в плечах – что старый комод из Фэтовой избы!

«Вот пусть теперь Комодом и будет!» – со злостью решил Фэт.

Тем временем, пока лентяй раздавал клички, парочка успела что-то обсудить: Комод увлеченно нашептывал Щеглу на ухо, и тот, выслушав и почесав затылок, согласно закивал – мол, почему бы и нет? Великана, судя по всему, согласие приятеля весьма обрадовало, так как

он расплылся в довольной улыбке. Однако под суровым взглядом Щегла Комод опомнился и, мигом посерьезнев, бросил слугам веревку:

– Свяжите его покрепче и перекиньте через седло придурка Варта!

– А самого Варта куда?

– Пусть пешком идет, если умудрился сковородкой по лбу получить!

Всадники одарили Фэта уважительными взглядами – подбитый им Варт, судя по всему, был среди них в почете – и, подхватив веревку, связали сироту согласно приказу начальства.

– Чего тебе надо от меня, скотина? – закричал плененный рыцарь, оказавшись «в седле». Только сейчас он понял, в какую лепешку вмазался, и от того стало ему очень боязно.

– Не скотина, а сэр Кушегар, неуч! – поправил его Комод. – Мой тебе совет: замолчи, пока не поздно, а то мне собственноручно придется тебя затыкать!

– Тебе? Меня? Да такое дерьмо, как ты, я ем на завтрак, обед и ужин! – надменно ответил Фэт.

– Мы не ослышались, сэр Ровэго? – спросил Кушегар, едва сдерживая смех. – Он ест дерьмо?

Тут уж они оба не удержались и громко захохотали, а Фэт понял, что сморозил глупость. Поэтому он решил поменять тему беседы, как бы сложно это ни было (в таком-то положении, да на спине клячи!):

– Зачем вы напали на Фросю?

– Фросю? – наморщил лоб Кушегар.

– Ну, деревня, откуда мы увальня тащим! – подсказал Ровэго.

– А! – обрадовался Комод. – Так налоги не платят вовремя!

– Какие еще налоги? – обиженно воскликнул Фэт. – Мы каждый месяц отправляем мешок серебра Его Величеству!

– Так то Его Величеству! – хмыкнул Кушегар. – А нам кто платить будет? Или на большую дорогу идти прикажешь?

– Идите, – Фэт хотел безразлично пожать плечами, но вовремя вспомнил, что так и недолго сверзиться. – Мне-то что?

– Уж извини, но мы – потомственные дворяне, и не пристало нам грабить! – ответил Ровэго с честью.

– А деревню жечь можно, да? – опять насел Фэт.

– Экий ты глупый! – фыркнул Кушегар. – Расскажем мы тебе, почему вся эта кутерьма приключилась... Только не сейчас, а как в усадьбу доскачем!

Фэт решил, что Комод предложил это очень вовремя, потому что седло порядком натерло живот и даже дышать, а уж тем более говорить стало трудно. Расслабившись, сирота почувствовал себя немного лучше и даже почти задремал, когда один всадник из авангарда радостно сообщил:

– Усадьба, сэр Ровэго! Сэр Кушегар...

Фэт кое-как повернул голову, чтобы полюбоваться на достославный особнячок дворянской парочки. Увиденное заставило его изумленно открыть рот.

Посреди поляны стояла обычная бревенчатая изба, отличавшаяся от его собственной только наличием второго яруса. Шторки на окнах – в ромашку, ставни – болотно-зеленые, крыльцо – из старых полустгнивших досок. Дверь на пудовом амбарном замке, без прикрас.

Да если это усадьба, то у Фэта в деревне каждый второй – дворянин!

Комод и Щегол, впрочем, ничуть не смущались такого жилища. Спрыгнув с коней, они передали уздцы слугам.

– Сгрузите этого и отнесите в дом, на лавку! – велел Ровэго, сладко зевнув.

Четверо подневольных тут же ухватили Фэта и поволокли его в обиталище разбойных дворян. Герой не сопротивлялся, только изредка лязгал самодельным доспехом, если несли слишком грубо.

Лавка оказалась на редкость твердой, да и несурзные доспехи больно врезались в кожу даже через одежду. Фэт еле упросил носильщиков снять надоевшие жестяные бляхи, после чего, наверное в благодарность, ловко ударил головой одного из них. Оставшиеся трое все же сироту утихомирили и, подхватив сраженного товарища, потащили его наружу. От удара в лоб парень потерял сознание, и его товарищи резонно решили, что «на воздухе быстрее отойдет».

Связанный герой остался в одиночестве. Мало что неудобно, так еще и скучно... От нечего делать, Фэт стал озираться вокруг, изучать дворянские хоромы. А посмотреть было на что...

По стенам висели головы медведей, оленей, лосей, а над самой дверью нашлось место даже маленькому белому зайчонку. Рядом с косым находилась табличка: «Заяц, бешеный, безмозглый. Убили еле-еле». Фэт усмехнулся (если даже грызуны дворян пугают, понятно, что это за «дворяне»!) и пошел взглядом дальше.

Под остальными трофеями тоже блеснули таблички, но текст сирота разобрать, как ни старался, не смог. И дело не в том, что Фэт плохо учился грамоте у старика Мухомора – нет, чтением он владел изрядно. Только вот зрения орлиного ему никто преподать не сумел, а шрифт на табличках был, кроме того, что мелкий, так еще и готический – с закорючками и плетением.

У противоположной лавки стены высился дубовый стол о трех ножках. Фэт так и не понял, сломали четвертую ненароком или все изначально было так задумано. У стола стояли три стула: один – тонконогий, с гнутой спинкой – наверное, Щегла, второй – грубый и громоздкий – Комода. А третий – самый обычный табурет – видимо, для гостей. Может, и для таких, как Фэт, – неожиданных.

Связанные члены уже порядком затекли, и сирота тихо пробурчал под нос что-то не очень лестное в адрес негостеприимных хозяев. Словно по заказу дверь отворилась, и в избу вошли Щегол, Комод и тот самый, Варт, на лошади которого довелось ехать Фэту.

– О! Лежит! – ухмыльнулся Ровэго, вешая шляпу на вешалку у двери.

– Вот лодырь! – Кушегар затеплил печь и для верности подбросил ненасытному пламени еще несколько березовых чурбаков. Варт проскочил мимо лавки, на лентя даже не глянув, и принялся за стряпню: наверное, у дворян он был за повара. – Мы думали, ты нам обед сготовил. А то Варт, бедолага, после твоей сковородки сейчас такого наварит!..

– С чего это я должен его выручать? – спросил Фэт с лавки. – Он тогда сам напросился, меч достал... Вы меня развяжите – я все в лицах покажу!

Варт едва котелок не уронил.

– Тише-тише, не пугай повара! А тебя сейчас развяжу, так и быть, – смиловился Комод и, сняв с пояса кинжал, разрезал связывавшие деревенского героя путы.

Фэт разом сел. Мышцы от этого вроде бы совсем невинного движения начали стонать и болеть. Размяв затекшие руки, Фэт уже собирался дать в глаз близстоящему Комоду, однако, едва подняв руку, тут же безвольно ее опустил.

«Что за чертовщина? – пронеслось в голове со скоростью того дракона из рассказов про езжих героев. – Заклятье, что ли, наслали, чтоб не зашиб их, освободившись?»

– Чего? Не получается драки? – усмехнулся Ровэго.

«И чего они все время смеются? – подумал Фэт с любопытством. – Не пришибленные, часом?» А вслух сказал:

– Ну вас: раз ударю – вот и развалитесь! К тому же вы мне что-то сказать хотели...

– Да уж, конечно, «развалимся»! – Комод хлопнул Фэта по плечу так, что тот чуть с лавки не свалился. – Вот, смотри! – и сунул лентяю под нос круглый медальончик.

Ничего особенного в кругляше Фэт не разглядел. Только буквы на непонятном языке по всей поверхности – и больше ничего.

– У нас таких у каждой девки навалом, – сказал он из противности, правда, не особо уверенно. – А у столичных дворян хоть и такие же по виду, но размером больше и из чистого золота. Чего хвастаться?

– Ну, у столичных, может, и есть, – нехотя согласился Кушегар. – А вот у девок ваших, деревенских, на эти магулеты ни денег, ни сил не хватит!

– А чего, такая штука дорогая и тяжелая, этот ваш магулет? – не поверил Фэт. – Что дорогой – ладно, но что тяжелый – так у нас хозяйки еще те!.. Помню, пришел я пьяный домой – год назад это было – и прямо в дверях свалился и захрапел. Так мать – светлая ей память! – мало что меня в дом втащила, так еще и умыла-накормила, обсушила – спать уложила! И это в ее пятьдесят пять!

– Да, мощная старушка... была... – согласился Кушегар. – Но магулет не то чтобы тяжелый... Вернее, совсем не тяжелый. Он на самом деле силу пьет из владельца.

– Как вампир? – ужаснулся Фэт.

– Как вампир, – подтвердил Комод. – Но пить силу он может только у дворян – есть у нас особая жилка... Зато, пока магулет активирован, ни ты, ни кто-то другой нас и пальцем тронуть не может!

– Хитро! – присвистнул сирота. – А я думаю: как это вы без единой царапинки, в лесу-то!

– Да мы тут, собственно, всего три месяца обитаем. Пока дом выстроили, пока то, се... А потом нужда в деньгах появилась, и к вам в деревню отправились.

– Ну, и попросили бы, как все нормальные попрошайки! – пожал плечами Фэт.

– Уж кто-кто, а мы с сэром Ровэго попрошайками отродясь не были! – хмыкнул Комод, усаживаясь за стол. Возле него, на столе, уже дымились миска горячего супа: Варт, похоже, очень хотел, чтобы хозяин поскорее забыл случившееся во Фросе. – Ты присаживайся, поешь с нами... Заодно и поговорим.

– А вы мне отравы никакой туда не кинули? – голодным взглядом посмотрев на плошку Кушегара, осведомился Фэт. Но на табурет все же сел, одолеваемый прямо-таки зверским голодом.

Тут же у стола возник Варт и, поставив миску с похлебкой перед лентяем, спешно ретировался из избы.

– Нужен ты нам для одного предприятия, – подал голос Ровэго, зачерпывая суп ложкой. Держал он ее как-то по-особенному, как держат в высшем свете, наверное. – Так что не бойся, травить тебя незачем.

Фэт охотно поверил и взялся за ложку, тем более что желудок его, учуяв запах съестного, призывно заурчал.

– У, как лопает! – хохотнул Кушегар. – Сразу видно – герой!

– Да уж, герой – валялся под горой, – заметил Щегол с издевкой. – Имя-то у тебя какое, Жруно?

– Фэт, – ответил сирота, с трудом оторвавшись от вкуснейшего супа.

– Да уж, именем он тоже на героя не тянет... – раздосадованно надул губы Ровэго. – И чего мы его с собой взяли?

– Ничего, имя не проблема, – отмахнулся Комод и закатил глаза. – Жруно, говоришь? Фэт?.. А что если... сэр Жруно де Фэт?

Сэр Жруно де Фэт от этих слов чуть ложкой не подавился.

– Это кто тут дефект?! – грозно сдвинув брови, спросил он у Кушегара.

– Да при чем тут дефект? Де Фэт! Де – это... слово такое, перед вторым именем дворянина идущее! Понял? – принялся втолковывать тот.

– А зачем дворянам второе имя? Их чего, по одному не отличают? – озадачился новоиспеченный «сэр».

– Ну, представь: у тебя три брата, и всех трех Фэтами зовут. Как бы вас мать различала?

– Да никак. Кто не спит – того и за доктором в город!

– Каким доктором?

– Да болела мать сильно.

Комод уронил голову на стол.

– Бог ты мой, родился же! Сэр Жруно, чертова круча... – простонал он, зажмурившись. Ровэго, вдоволь похихикав в кулак, решил помочь товарищу.

– Фэт, смирись с тем, что второе имя у дворянина быть должно. Так что тебе, если хочешь помочь нам и прослыть героем, придется свыкнуться.

– Ага, теперь понял! – радостно оскалился лентяй.

– Отлично, – Ровэго откинулся на спинку стула и, сложив пальцы в замок, потянулся. – Объясните дальше, сэр Кушегар, это я ему истолковал.

Комод медленно-медленно поднял глаза на «понявшего все» сироту и, вздохнув, продолжил:

– Так вот, насчет твоей деревни, Фэт... Первый раз мы решили поступить честно и открыто: мы просто пошли к старосте...

– А как звать его? Хузагнут?

– Не знаю, загнут или нет, но, когда мы спрашивали о старосте, все указывали на самый нарядный дом посреди рыночной площади.

Сухощавый дедок, вышедший к нам, поначалу был принят мной за дворецкого (или у вас, в деревне, это по-другому называется?), и я попросил его доложить о нас хозяину. На это старик обиделся и сказал, что, дескать, он тут сам себе хозяин и, как этот самый хозяин, докладывает на нас с самой высокой колокольни и велит убираться ко всем чертям. Такого оскорбления я, конечно, снести не мог... и сэр Ровэго кинул в лицо зарвавшемуся дедку перчатку, вызывая его на дуэль. Тут ваш староста повел себя совсем уж странно: он подобрал дуэльную перчатку и, посмотрев на нее через треснутый монокль, быстро запихнул в карман. На наши недоуменные взгляды старик ответил что-то вроде «Хороший подарок и ссору сгладит!» и пригласил зайти к нему в дом.

Усевшись в кресло и предложив нам с сэром Ровэго диван, староста задымил трубкой и спросил, чего же хотят от него двое почтенных господ. Говорил, как водится, я.

И говорил, естественно, о деньгах.

С каждым новым словом староста зеленел все больше, а под конец моей речи и вовсе взорвался фонтаном брани.

«Выметайтесь вон! – орал он, брызжа слюной. – Никаких денег я вам платить не намерен! Люди, бейте гренадеров!!!» – проорал он, уже закрывая за нами дверь.

Живо вскочив на вороных, мы, подгоняемые тухлыми яйцами (и почему на такие случаи у каждого жителя их оказывается припасено чуть ли не два десятка?), понеслись прочь из деревни.

Стирка плащей отняла у нас целый день. С утра, злые, без медяка в кармане, мы встали с кроватей с твердым намерением разнести, если понадобится, вашу деревеньку, но деньги за защиту получить.

Вот такая вот печальная история, Фэт. Дальше ты наверняка видел.

– А за какую защиту вы хотели деньги получить? – поинтересовался Фэт.

– Ну... – замялся Комод и стрельнул взглядом в сторону Ровэго.

– За защиту вашей деревни от нас самих, – четко и ясно, будто целый год разучивал эту фразу наизусть, ответил Щегол.

– Как это? То есть вы получаете деньги и вы же за это деревню не трогаете? Через месяц приходите: если платят – у наших еще месяц свободы, если нет – вы нас огненными шариками закидываете?..

– Стрелами, – поправил Комод. – Не шарики то были, а стрелы, тряпками подожженными замотанные.

– Ну, пусть так, – не стал спорить Фэт. – Только все равно – нечестно это! Пойти вас, что ли, деревенским сдать?

– Можешь и сдать, – пожал плечами Ровэго. – Только вот у нас магулеты есть, не забыл? Так что мы вдвоем хоть всю деревню вырежем, а сами даже не оцарапаемся!

– Если эти магулеты силу всю из нас раньше не высосут, – пробурчал Комод, но его никто не услышал.

– Э! Не надо деревню! – опомнился лентяй. – Уж этот месяц перебьетесь! К тому же, я так понял, у вас на меня планы были?

– Да? – скорчил удивленную физиономию Щегол.

– Ну, имя ж мое в дворянское вы не просто так переделывали!

– Да не такой уж он и глупый! – довольно усмехнулся Кушегар, подмигивая Ровэго. – А планы самые простые и связанные с нашей и, вполне возможно, твоей судьбой... Скоро при дворе Его Величества Стронция Бария Третьего пройдет рыцарский турнир. В награду победитель получит титул герцога Ростисского и солидный кусок земли, собственно, Ростисском и зовущийся. И нам нужно, чтобы ты любыми способами турнир этот выиграл.

– Но зачем мне целое герцогство? – удивился Фэт.

– А затем, чтобы вернуть нам наши баронские земли! – сказал Комод.

– Какие «ваши»? – не понял сирота. – Разве это не ваша земля? Не ваша... усадьба? И при чем тут герцогство? Оно что, раньше вам принадлежало?

– Чего растрепался? Наша это усадьба, наша. Но временно, – объяснил Кушегар. – Если ты получишь герцогство Ростисское, мы сможем запросто разорить ближайших соседей. По счастливой случайности именно эти соседние земли и есть – бывшие наши!

– А почему бывшие? В лесу, что ли, пожить захотелось?

– Пропили мы их, вместе! История короткая, но печальная, – вздохнул Комод и принялся рассказывать...

– Была у нас с сэром Ровэго такая традиция – каждый свободный день друг к другу в гости ездить и выпивать за встречу.

Подлый сэр Холиган, наш общий сосед, прознав о таких посиделках, задумал хитрый обман: пригласив нас обоих в гости, он направил в наши баронства своих людей. Те быстро захватили власть – тем более что народ не сопротивлялся: надоели им бароны-пропойцы, видите ли! – и, когда на следующий день я вернулся домой, меня погнали из моих же земель смачными пинками. Не убили лишь потому, что магулет на шее болтался. Хотя, может, и трусили просто: все ж таки на потомственного дворянина руку поднять – не собаку вшивую пнуть!

К счастью, мы встретились с сэром Ровэго. Ему повезло чуть больше: удалось прихватить дюжину легких кавалеристов, не решившихся нарушить присягу. Таким отрядом мы и отправились в ближайшее баронство Шальк, где и поселились в лесу.

– Вот такая вот история, Фэт. Поможешь нам – получишь титул герцога и землю, а мы – свое вернем. Не поможешь – не обессудь: нам терять нечего! Что скажешь? – Кушегар выжидающе уставился на лентяя.

Деревенский герой посмотрел на Ровэго, презрительно меряющего его взглядом. На Кушегара, взгляд которого полон надежды. Откашлялся.

– Конечно, вы сами виноваты, что без земель вверенных остались – внимательнее надо быть... Ну, да я и сам хорош – на работе так пил, что хозяин, сколь терпелив ни был, но все

ж в шею погнал. Так что, можно сказать, мы с вами братья по несчастью. А братья должны помогать друг другу. Так что, – Фэт ухнул кулаком по столу, – согласен!

Кушегар радостно оскалился, а Ровэго еще раз презрительно фыркнул.

Глава 1 ТРОГАЙ, или ПОКЕР С ВАМПИРОМ

Некогда, в те давние времена, когда птицы еще ходили по земле, звери летали по небу и жрали маленькие облачка, а о людях никто и слыхом не слыхивал, встретились ангел и черт за светской беседой.

– Приветствую! – холодно сказал ангел, усаживаясь на ловко придвинутое чертом кресло.

– И ты здравствуй, – в тон ему ответил собеседник, усаживаясь на жесткий табурет.

– Что нового у вас, под землей? – равнодушно спросил ангел, разливая по хрустальным бокалам вино.

– Да все, как обычно: грязно, темно, скучно. А когда твои на землю дождь обрушивают, у нас там, – черт указал вниз, – потолок течет!

– Да, непорядок! – покачал головой ангел и, взяв бокал, предложил: – Твое здоровье, чертяка!

– Твое! – и оба выпили.

– Что ж, – сказал ангел, разливая по новой. – А у нас солнечно, тепло, зверьки все время залетают, так что с пищей, сам понимаешь, без проблем.

– Хорошо тебе! – позавидовал черт. – А мне все пичуг мелких есть приходится: пока поймаешь одну – весь потом изойдешь! Так что впроголодь живем, каждому воробушку рады!

Он печально вздохнул.

– Но, наверное, и в твоей жизни есть что-то хорошее? – предположил ангел.

– Да есть все же, как вы ни старались, – сказал черт задумчиво. – Я долго думал, стоит или не стоит этим хорошим пользоваться... Но надоело нам так жить. А потому – прости! – и черт, перегнувшись через стол, влепил кулаком в лицо ангелу.

Словно сам дьявол вложил в удар этот всю накопленную злобу, и словно сам Бог весь проникся страданиями собственного создания.

Весь мир перед глазами ангела поплыл и заиграл невиданными ранее красками.

И случилось невероятное.

С неба на землю стали падать всевозможные звери: кабаны, лоси, медведи, зайцы, кони... А птицы, испугавшись до дрожи в лапках, отчаянно замахали крыльями и понеслись в небо.

– Отныне, – сказал черт торжественно, – весь мир перевернут вверх ногами. Звери побегут по земле, птицы – полетят к облакам, а ты больше не будешь кичиться богатствами и кричать, что, де, нет места лучше, чем в небе!

Ангел, поняв, что проиграл, собрался было заплакать, но тут одна из улетающих птичек неожиданно клюнула его в затылок. Посмотрело тогда создание Божье в ее чистые умные глаза и улыбнулось: крылатый вестник принес от Бога послание. И, встав в полный рост, ангел сказал обобравшему его родичу:

– Что ж, пусть будет по-твоему. Но за это вы позволите нам поселить на земле разумных существ, созданных по образу и подобию Божьему, и будут они поклоняться Богу, как великому мученику, и проклинать тебя, обидевшего меня, его творение!

– Хорошо, – усмехнулся черт. – Это все? Отлично! Вот и договорились, как нормальные люди.

Так получили имя те существа, которых создаст Бог для поклонения себе, – люди.

И разошлись ангел и черт, довольные собой. Оба считали тогда, что каждый другого в накладе оставил.

– И к чему ты мне эту историю рассказал, Кушегар? – дождавшись окончания, поинтересовался Фэт.

– А к тому, что разойтись могут только равные соперники, и то – если решат оба, что победили! – и без лишних предупреждений Комод прыгнул на лентяя.

Меч его рассек воздух и звякнул о вовремя подставленный клинок Фэта. Кушегар, раздосадованный неудавшейся контратакой, стал давить соперника, принимавшего его удар с одного колена. Но, увлекшись, упустил момент, когда соперник отхлынул в сторону, и свалился на траву.

Он уже хотел вскочить и врезать наверху по пустой голове неблагодарного ученика, однако шеей почувствовал холод железа и замер, боясь оцарапаться, а то и вовсе – умереть.

– Ну, что, Кушегар? – насмешливо поинтересовался Фэт. – Признаешь, что проиграл?

– Признаю, – зло проскрипел Комод.

Лентяй протянул поверженному сопернику руку и рывком поставил учителя на ноги.

– А как же весь этот треп о равных силах? – спросил он, хитро сощурившись.

– Так то равные, – фыркнул обиженный Кушегар. – А ты мне еще и в подметки не годишься!

Фэт разом помрачнел.

– Ладно, не переживай: у тебя еще все впереди, – Комод ободряюще похлопал его по плечу. – Пошли лучше в дом – пообедаем: всадники нынче кабанчика крупного подстрелили, так что супчик наваристый вышел! – дворянин с чувством причмокнул.

Представив себе огромную тарелку с дымящейся похлебкой и плавающими в ней кусочками мяса, Фэт прибавил ходу.

– О, сэр Ровэго! – поприветствовал товарища Кушегар. – Вы уже проснулись?

– Да, мой друг, уже, – Ровэго оторвался от изучения неизвестной бумаги и повернулся к вошедшим. – И, к сожалению, даже успел узнать одну неприятнейшую вещь..

– Что же это за вещь?

– Вот это, – Ровэго показал Комоду и Фэту свернутый в трубку листик, – грамота, которую Его Величество разослал по всему королевству.

– И как она у тебя очутилась? – подал голос недоделанный сэр Жруно.

Ровэго одарил его взглядом, полным презрения, но все же ответил, хоть и нехотя:

– Всадники во время охоты набрали на заплутавшего в лесу гонца и забрали у него целый мешок этих грамот.

– И куда ж они мешок этот дели? – разом подобрался Комод.

Ровэго огорченно кивнул в сторону печки, горящей не по-обычному ярко:

– Вы ж за своими тренировками совсем про дрова позабыли, а на улице осень, как-никак...

Кушегар разочарованно вздохнул:

– А в этой хоть чего написано?

«Уважаемые дворянчики и дворяночки! Сие послание можно считать исправлением досадной ошибки: в прошлой эпистоле к вам я сказал, что турнир состоится в третий понедельник ноября. Ныне же мне приходится перенести его на понедельник второй, потому что главная награда победителю – моя приемная дочь леди Джейн – может не дожить до ранее назначенного срока.

Целую!

Его Величество Стронций Барий Третий».

С минуту в избе царило молчание.

– А почему «целую»? – Фэт не выдержал первым. – Если бы это королева тайному любовнику писала, тогда понятно. Но король?.. Всем дворянам?..

– Ну, как бы тебе сказать, Фэт, – смутился Кушегар. – Наш король... он... в общем, любит мужчин...

– Как это – любит? – ужаснулся деревенщина. – Всех сразу, что ли?

– Ну почему всех? Только самых симпатичных! – Ровэго задорно подмигнул Фэту: мол, есть возможность стать фаворитом самого короля!..

– Эй-эй-эй! – торопливо воскликнул тот, одновременно краснея до ушей. – Чего вы там удумали?!

– Да нет, ничего, – виновато опустив взгляд в пол, просипел Комод. По содроганиям его тела Фэт понял, что дворянин безостановочно хохочет.

– Вот вы все-таки сволочи! То им баронства спасти, а то выясняется, что я должен ехать к... любящему мужчин королю, да еще в случае выигрыша не только получить титул герцога с землей этой... Ростисской, но и жениться на некой леди Джейн!

– А может, это красotka еще та! – поднял голову отсмеявшийся Кушегар. – Я не думаю, что король стал бы удочерять какую-нибудь подзаборную уродину!

– Если красotka – тогда ладно, прощу вас за обман, – подумав, «нехотя» согласился Фэт. – Но если страшнее, чем... – тут он глубоко задумался: а кого страшнее? Мысленно махнул рукой и сразу закончил:

– ... то сами услаждать ее будете!

Дворяне переглянулись: действительно, не такой уж глупый парень им попался! Однако ставки были слишком высоки, чтобы из-за такой мелочи, как не слишком привлекательная принцесса, бросать всю игру.

– Согласны! – разом ответили оба.

– Отлично! – Фэт несказанно обрадовался покорности дворян: хоть в чем-то уступили, черти! – Значит, я так понимаю, до турнира не пять недель осталось, а всего три?

– Да, – сказал Ровэго чуть охрипшим (видимо, от волнения) голосом и тут же прокашлялся.

Комод смотрел сквозь Фэта, и увальень немного испугался такого его состояния.

– Эй, Кушегар? Что с тобой такое? – обеспокоенно поинтересовался деревенский герой.

– Да ничего, – облизав пересохшие губы, ответил дворянин. – Даже пяти недель мало, чтобы сделать из тебя настоящего воина. А уж трех...

– Да ладно тебе! Десять дней назад, когда ты только начинал меня обучать, я даже не знал, с какой стороны за меч браться, чтобы пальцы себе не порубать! А теперь, гляди ж ты, все его устройство выучил – эфесы всякие, рукояти и прочие гарды. Еще и махать наловчился – будь здоров! И если голову в плечи спрятать не успеешь, подобно заморской зверюге-черепахе...

– Не голову она прячет, а хвост, – машинально поправил Ровэго.

– Хвост? – раскрыл рот Фэт. – А... куда?

Все трое, как по команде, задумчиво почесали затылки.

– Хвост ей в зад, той черепахе! – махнул рукой Кушегар. – Раз уж три недели осталось, пошли тогда еще работать!

– А обед пусть стынуть остается? – печально вздохнул Фэт, но Кушегар уже вышел из избы и не мог слышать лентяя. – Эх, ма...

Наскоро вытерев рукоять попавшейся под руку тряпкой, Фэт отбросил лоскут в сторону и поспешил за учителем на поляну.

Ровэго странным взглядом проводил деревенского увальня, плюнул на пол и снова уткнулся в грамоту, словно пытаясь вернуть прошлую дату турнира.

Не получилось.

Дворянин, плюнув еще раз, отшвырнул дурацкий лист в сторону и полез за спрятанной под лавкой бутылью вина.

За две недели Фэт успел триста раз пожалеть, что согласился на дикую авантюру – участие в турнире: Кушегар гонял его так, что глаза из орбит вылезали, а мышцы болели, словно их день за днем жевал самый зубастый в мире дракон.

За два дня до отъезда слуги притащили откуда-то латанную кольчугу и двух гнедых мерин. Комод собственноручно все проверил, ощупал, рассмотрел и остался доволен.

– Теперь только тебя острижем, искупаем да переоденем! – довольный проделанной работой, сказал он за ужином. – Вот придет сэр Ровэго из города да привезет тебе приличную одежду вместо этого барахла!

Фэт недоверчиво хмыкнул: Щегол в город поехал вовсе не по этим делам. Просто в лесу с прекрасным полом не очень, а для сэра Ровэго отсутствие женщин было нестерпимо: по рассказам Кушегара, он в свое время «перезнакомился» с большинством придворных фрейлин, едва не добравшись до самой их хозяйки.

Кстати, о самой королеве Фэт тоже слышал немало, от того же Комода: взял ее к себе Стронций Барий по причине государственной необходимости и никаких чувств к бедняжке, понятно, не испытывал. Его куда больше привлекали развлечения с неприхотливыми оруженосцами, которые после таких вот игрищ неожиданно получали титул рыцаря со всеми прилагающимися вкусами.

Королева (также со слов Кушегара) была недурственна собой и достаточно молода – около тридцати весен. Только вот из-за проклятого мужа до сих пор ходила в девках и постоянно искала достойного претендента на королевское ложе.

В общем, семейка подобралась еще та. По минимуму Фэт мог полюбиться любому из этой троицы «король, королева, принцесса», а по максимуму – всем сразу.

– Чего молчишь? Задумался неужто? – спросил Кушегар мрачно. – Наконец-то и до тебя дошло, рыцарское твое рыло, что все проблемы даже с победой в турнире могут не закончиться, а только начаться.

– Это как? – не понял деревенский лентяй.

– А так! Если проиграешь сразу, ничего мы не получим. А коли выиграешь – кроме всех призов ждет тебя еще и королевское внимание... Так что побереги молодецкую жо... удаль, всю на турнире не трать! Думаю, с моей подготовкой и твоим природным талантом все ломать можно и в полсилы работать, а все равно победить! Конечно, не со всеми соперниками – Холигана ты, например, так просто не одолеешь... Но основную массу – вполне.

– А! Это ты все про короля, королеву да дочку! – понял Фэт. – Ну, о том, что мной вся эта троица заинтересоваться может, я уже думал...

– Толку с того, что ты там думал-предполагал? Мне-то, в принципе, все одно, что король с тобой сделает... Мне главное землю вернуть. А ты вот лучше размышляй, как потом спастись будешь!

Фэт подпер голову рукой и сосредоточенно задумался.

Комод последил за беднягой и, пробормотав что-то вроде «рожденный ползать...», пошел во двор, колоть дрова.

К вечеру из города вернулся Ровэго, довольный, словно мартовский кот.

– У меня для вас две новости, – сказал он, бросая на стол какие-то тряпки.

На проверку лохмотья эти оказались новым нарядом для сэра Жруно, чему досточтимый герой обрадовался не очень: волнистые воротники, рюшки и прочие завязочки-шнурочки он полагал истинно бабским делом.

– Вот и первая! – сказал Ровэго, когда Фэт обнаружил, что пуговицы еле налезшей рубахи не сходятся.

– А вторая чего? Ширинка на штанах не застегивается? – с ехидцей спросил Кушегар.

– Нет, вторая поприятнее будет. Узнал я, что может нам Фэт землю вернуть, даже и в турнире не выиграв.

– Это как? – спросил лентяй, на радостях едва не оторвав рукав.

– А так, что, если сэра Жруно убьет нашего обидчика сэра Холигана, он автоматически получит в распоряжение его феода и сможет разделить между нами.

– А этот, как его... Холиган – сильно здоровая детина? – осторожно поинтересовался Фэт.

– Не больше тебя, – смерив лентяя взглядом, сказал Ровэго. – Только что мечом владеет получше. Ну, да он стар уже, долгий бой не потянет. Загоняешь его – и вся недолга. Хотя... и ловок он, зараза, достать может!

– Утешил, – вздохнул Фэт.

На том и порешили. Фэт отправился на печку – спать, – а дворяне до поздней ночи еще спорили о чем-то вполголоса, попутно допивая ровэговское вино.

Наутро лентяй проснулся абсолютно голый да еще и в бадье с горячей водой.

– Не трусь, Фэт, – велел ему Кушегар и, ухватив рыцаря за волосы, окунул в воду.

Благо догадался воздуха набрать, подумал лентяй, пуская пузыри. А то бы утопил, Комод треклятый, с него станется!

Выныривать было намного приятнее, чем нырять. Пусть и левое ухо заложило, а из носа лилось, словно от насморка.

Ткнув кулаком наугад и попав в мягкое пузо Кушегара, Фэт ожидал услышать хотя бы тихий вскрик. Но тут же вспомнил о магулете и огорчился.

– Вишь ты, удумал кулаками махать! – фыркнул Комод и, оправив рубаху, окунул лентяя вновь...

Через полчаса маленькой экзекуции Кушегар наконец утихомирился:

– Все, вылезай, – и протянул лентяю одежду и полотенце. – И шустрее давай: обед стынет! Фэт поспешно выхватил тряпье из рук дворянина: есть после купания хотелось жутко.

Однако в избе его ожидал еще один шок: в висящем у печки зеркале отражался неизвестный ему парень с коротко стриженными русыми волосами, да еще и в костюме настоящего франта – белой кружевной рубахе и черных обтягивающих штанах.

– Во! – Кушегар показал Ровэго большой палец.

Тот, чуть помедлив, удовлетворенно кивнул:

– Хоть на человека стал похож – и то хлеб!

Фэт зло скрипнул зубами: если бы не обещание, данное этим двум, он бы просто изорвал на себе позорный наряд и, отобрав у дворян магулеты, хорошенько надавал пьянчугам по голове!

Но слово, как известно, не воробей, да и горячая каша в тарелке пахла вкусно... Так что будущий победитель турнира решил отложить расправу с обидчиками до лучших времен.

Однако спокойно поесть ему не дали.

Всю трапезу, которая обычно занимала пару минут, Кушегар с Ровэго учили его столовым манерам, не обращая внимания на слова Фэта о том, что, мол, «рукава и так длинные», «так больше влезет» и «отрыжка к пище необходима».

Наконец, помучившись с полчаса, герой кашу доел и, расслабившись, потянул было длань к пиву...

– За ручку, аккуратно!

– Маленькими глотками!

Не выдержав, Фэт подхватил стоявший посередине стола кувшин и под недовольные крики дворян выскочил с ним во двор. Там он во мгновение ока его осушил и разбил о голову так кстати проходившего мимо слуги.

Выбежавшие следом Ровэго и Кушегар, вдоволь насмотревшись на счастливую рожу Фэта и не менее «довольное» лицо невезучего дворового, в один голос вздохнули и ушли в дом.

Наверное, допивать спрятанное где-нибудь пиво, решил лентяй и потащил обиженного слугу к оставшейся после купания бадье – надо было приводить парня в чувство.

– Сегодня – великий день, Фэт, – сказал Кушегар, разливая пиво по кружкам.

– Чем же он так велик? – ужаснулся лентяй.

– Тем, что сегодня мы с тобой отправляемся на турнир к Его Величеству Стронцию Барию Третьему, где решится судьба наших феодалов, твоего титула и жены.

– Э! А мой феодал? – возмутился Фэт.

– Ну, и твоего Ростисска, конечно, – нехотя «вспомнил» Комод. – Но это не столь важно. Важнее то, что ты, обычный лоботряс из деревни, сможешь на этом турнире доказать превосходство над остальными, более маститыми воинами.

– Фига два он чего докажет, со своими манерами! – встрял в разговор Ровэго: он до сих пор не мог простить Фэту кражу того кувшина.

– Манеры – дело наживное! – беспечно отмахнулся сэр Жруно. – Главное с этими мордоротами турнирными справиться, а на ужине в честь моей победы я уж и без манер... обоснуюсь.

– Слова не мальчика, но мужа! – довольно воскликнул Кушегар. – Уверенность в себе – уже полпобеды!

– Где б еще половину взять... – сварливо пробурчал Ровэго и отвернулся к окну.

– Там и возьмем! – не растерялся Фэт. – Правда, Кушегар?

– Да, именно. Только запомни, Фэт: всех дворян, что приедут на турнир, следует звать на «вы» и только «сэр». Ну-ка, попробуй со мной так поздороваться!

– Здорово, Кушегар! – не раздумывая, ляпнул Фэт.

Комод в сердцах плюнул на пол, а Ровэго тихо захихикал.

– Ладно, – махнул рукой Кушегар. – По дороге растолкую! Пошли к коням!

И они пошли: сэр Жруно – брэнча новой кольчугой, а Кушегар – волоча по полу заплечные мешки.

– Вот уж на что он дворянин, а все же жадный, как сто свиней! – сетовал Фэт, смешно подпрыгивая в седле.

– Согласен, – уныло согласился Кушегар со своего мерина. – Даже дома остался, зараза, чтобы лишнего на костюмы не тратить!

– Чего ж с ним так сдружился?

– У него всегда выпивки неупровержено было. Вот он и стал меня в гости звать – одному-то все не перепить, а вдвоем – глядишь, и получилось бы...

– А, ну если только так... – задумался Фэт.

– Ты вот чего запомни еще... Меня на «вы» не надо.

– Не надо? – почти искренне расстроился сэр Жруно, хотя «выкатать» и не собирался.

– Я буду якобы твоим оруженосцем, – сказал Кушегар и торопливо добавил: – Но это только на людях! Так что пока свои железяки сам тащи!

Фэт разочарованно вздохнул: он все думал, как бы избавиться от двух топоров и палаша, который болтался за спиной, то и дело больно стуча крестовиной меж лопаток. Вот бы его сплавить нерадивому Комоду, подумал лентяй. А так – только мешает.

Но причину вроде «а он мне надоед» Кушегар не примет.

Так что...

– О-па! – мрачно хмыкнул барон.

Фэт, забыв о треклятом мече, поднял глаза на стезю.

Посреди дороги стояло нечто черное и грязное. Черного было двое, а грязного – один.

– День добрый, господа! – поприветствовал путников замарашка. – Позвольте облегчить вашу ношу!

– Ты что ж это, до самого Бурретауна тащить наши шмотки хочешь? – обрадовался Фэт. Он-то думал, лесные разбойники на них напали. А это, похоже, лесные носильщики!

– Не, до столицы не потащу! – покачал головой грязный. – Хотя чего я тут излагаюсь? Живо кошельки, оружие, доспехи и коней нам!

– Можно нескромный вопрос? – спросил Фэт, уже предполагая назревающую драку.

– Валяй, задавай, – милостиво согласился предводитель шайки носильщиков.

– У меня трусы кружевные, а я их очень стесняюсь. Можно, только он разденется? – Фэт ткнул пальцем в сторону Кушегара.

– Черт с тобой, пусть старый хрыч шмотки стаскивает! – махнул рукой грязный.

Барон, слышав такие речи, побагровел, словно переспевший помидор, и тонко взвизгнул:

– Да лучше сдохнуть, чем в трусах на королевский турнир являться!

– Ну, уж это как хочешь! – усмехнулся грязный и кивнул спутникам: – Моро, Тава! Разберитесь!

Черные согласно кивнули и, выхватив булатные сабли, пошли на путешественников.

Кушегар, не долго думая, взялся за меч и пустил коня на разбойников.

Фэт замер, лихорадочно соображая, чем помочь учителю: прыгивать с мерина и бежать с палахом на обнаглевших врагов – долго: он скорее кубарем слетит, чем нормально спустится! А просто сидеть и ждать развязки – нельзя.

И, словно следуя непонятному инстинкту, рыцарь запустил одним из топоров в главаря.

Конечно, создатель этого оружия не думал о дураках, вроде Фэта, которым придет в голову, что кидаться им лучше, чем рубить. Но, как известно, дуракам закон не писан.

Именно поэтому (а может, и вовсе по счастливой случайности) лентяй и попал.

Разбойник, не издав ни звука, рухнул в пыль дороги и больше признаков жизни не подавал. Да и вестимо ли – топор на башку поймать и в живых остаться?

Черные, словно послушные овцы, разом повернулись к поверженному «пастуху». Кушегар, уже занесший меч для удара, скривился да так и замер, ожидая, пока враги обернутся – дурацкое воспитание запрещало бить исподтишка. И не только честных противников, но даже и тех, кто ударил бы тебя самого не долго думая!

Фэт этого не понимал. Он привык, что если кто-то – твой враг, его следует бить любыми доступными способами. На то ведь он и недруг, чтоб его колотить!

Но Комод так и не ударил черных. А Фэт, слишком поздно спохватившись, не успел кинуть второй топор: разбойники, подобрав убитого главаря, бросились через чащу в одном им ведомом направлении.

– Эй! А топор-то верните, гады! – крикнул Фэт обиженно. Будто ребенок, у которого карамельку забрали.

Но злыдни не обратили на его крик никакого внимания, видимо, резонно посчитав украденное оружие достойной компенсацией за потерянного собрата.

– У, сволочи! – Фэт погрозил чаще кулаком. – Все ж таки облегчили ношу, гады!

– Да ладно тебе, – успокоил его Кушегар. – У тебя еще один остался!

– Один – не два. А все, что кинул, – все мое! – огрызнулся Фэт.

– Ты уже как Ровэго, – усмехнулся Комод. – Поехали скорее: ночь скоро, а мы до постоянного двора еще не добрались!

И они поскакали дальше, нещадно подгоняя коней.

Горизонт уже почти съел лакомую яичницу-солнце, когда вдалеке стали различимы контуры здания. Судя по габаритам, это либо большая корчма, либо постоянный двор.

Встречающая путников вместо дворового мальчишки вывеска гласила:

«Дворянская корона: все за нее».

– Во придумали! – подивился Кушегар. – Дворянская корона, ха! Толку б с нее, если и была? Всем-то король заправляет!

Фэт ничего не сказал, только кое-как спешился, подошел к ограде и, облокотившись на нее, лениво бросил:

– Эй, дворовой!

Молчание. словно не было здесь никого живого.

– Ты чего, оглох? – повторил Фэт погромче.

Результат был все такой же плачевный.

– Пошли-ка сами посмотрим! – не долго думая сэр Жруно полез через ограду и, как следовало ожидать, рухнул в пыль.

Кушегар горестно вздохнул и поспешил за «рыцарем».

А тот уже стучал обухом топора в дверь. Безрезультатно.

– Плечом попробуй! – посоветовал Кушегар.

– Точно! – обрадовался рыцарь и, разогнавшись, надал в дверь.

Та слетела с петель и рухнула на пол. Сэр Жруно едва сумел устоять на ногах.

– Ну, кто там приперся? – осведомился кто-то недовольный. – Двери закрывайте, не в пещере родились!

Фэт поднял глаза на неизвестного и замер. За единственным столиком резались в карты трое вампиров.

Пижон, высокий брюнет в серой куртке, трико и ботинках на шнуровке, упорно смотрел в карты. словно надеялся перековать две шестерки, семерку, десятку и пиковую даму (прямо знамение!) в более пригодную для игры комбинацию.

Хотя бы и в стрит.

А так – всего пара!

Конечно, можно предположить, что у Бледного, его нынешнего оппонента, дела и того хуже – все карты разные. Но хитрая ухмылка соперника говорила намного больше предположений...

Внезапно, когда Бледный, казалось, уже готов был крикнуть: «Вскрываемся!», входная дверь грохнула на пол.

Соперник и его сосед разом повернулись на шум, а Пижон не долго думая вытащил из колоды валета, короля и туза, сменив шестерки и семерку. И только потом решил-таки взглянуть на неизвестного спасителя, так своевременно выбившего дверь.

– Во дела! – только и сказал высокий светловолосый парень в кольчуге. – Гляди, Кушегар, чего тут творится!

– Вампиры! – обрадовался спутник кольчужного, немолодой бровастый мужчина. – Ну-ка, где тут моя бутылка со святой водой...

Вампиры, только что готовые броситься на гостей, немедля присмирели.

– Э, мужик, – сказал Бледный. – Не надо святую воду! Говори, чего пришел, а то у нас тут партия важная!

– Во что играем? – Кольчужный ухнул на лавку и с наслаждением прислонился к стене: видать, визиту в гостиницу предшествовал долгий и нелегкий путь. Откуда едут гости? И, что интересней, куда?

– В покер играем, – ответил Пижон сдержанно. Он, конечно, готов расцеловать гостей в обе щеки, но сначала надо закончить с игрой. А то Бледный с братишкой могут заподозрить...

– А! – со знанием дела кивнул парень. – И кто выигрывает?

Вампиры, да и мужик, кольчужного сопровождающий, посмотрели на него, как на дурачка.

– Мы выигрываем, – пожалев парня, ответил Пижон. – А проигравшие уже второй день на полу пеплом лежат.

Кольчужный, заслышав об этом, тут же с опаской огляделся вокруг. Наверное, искал этот самый тлен. Потом осмотрел подошвы сапог и, убедившись в их чистоте, спросил:

– А чего вы их так? Деньги отдавать не хотели?

– Мы не на деньги играем, странник, – покачал головой Бледный. – На бессмертную жизнь!

– На что? – удивился парень и повернул голову к спутнику.

– Да я откуда знаю? У них и спрашивай! – проворчал бровастый, садясь на соседнюю лавку.

Кольчужный повернул голову к сидевшим за столом кровососам и снова спросил:

– Как это вы на бессмертную жизнь играете?

– А вот так! – пожал плечами вампир и кивнул в сторону осинового кола, лежащего на столе ближе к краю. – Кто проигрывает, приставляем к сердцу кол, а выигравший вон тем молотком, что под столом валяется, забивает.

– А еще говорят, что на деньги играть нехорошо! – хмыкнул кольчужный. – Вам чего, жить надоело?

– А тебе бы за триста лет не приелось по миру бегать, кровь из людей посасывать? – усмехнулся Бледный.

Пижон про себя тоже ухмыльнулся, только по другому поводу: вампиром он стал год назад, а до этого был обычным карточным шулером, из всей домашней утвари имевшим лишь потрепанную колоду и книгу «О вкусной и здоровой пище».

Никто не знал, почему мошенник повсюду таскал этот праздник сытого желудка с собой. Кто-то говорил, что в ней весь секрет его выигрышей. Кто-то – что, когда нечего будет ставить, Пижон всучит победителю эту книгу. Однако на самом деле все было намного проще: томик достался шулеру в наследство от покойного батюшки-повара, успевшего поработать даже при королевском дворе – правда, только посудомойкой. На форзаце книги так и было написано: «От великого повара, который всю посуду королевскую через себя пропустил...».

А вот что написал батюшка дальше, знал только Пижон: «... тупому лоботрясу, бабнику и паразиту, блудному сынку моему. Постскрипtum: если чего приготовить соберешься – чтоб ты подавился, тварь!».

Наверное, если бы не тот треклятый вампир, поймавший его на облюбованном под жилье чердаке, Пижон бы уже поднакопил денег и с картами завязал. Но так уж сложилось.

И вот, с двумя ритуальными дырочками в горле он начал странствовать по миру, избегая людского общества и пытаясь найти сильного мага, способного вернуть его в человеческий облик.

Но только спустя полгода, измучавшись в гонениях, бывший шулер сумел-таки отыскать нужного ему чародея. Им оказался Хорхиус, живущий неподалеку от Бурретауна. И как его картежник раньше проворонил? Верно говорят: ищешь по всему свету то, что под собственным носом не заметил!

Но маг был найден!.. И это вполнину облегчало дело.

Почему лишь вполнину? Да потому, что Хорхиус оказался большим шутиком: в плату за возвращенческое¹ заклинание велел он Пижону обыграть в карты шестерых заранее выбранных волшебником соперников. Не зная, что еще делать, шулер согласился.

Первая же победа далась ему очень нелегко: пришлось найти в тупом племени шахтеров² некоего Бородаса Зав-Итока и сыграть с ним на клочок его бороды. И все бы было намного

---

¹ Заклинание, возвращающее человека из второй ипостаси в первую (применяется также для оборотней, позволивших второму «я» возобладать над первым).

² Дети от брака «человек – гном». Полукровки были изгнаны из городов в одну из гномьих шахт сразу после Исхода. Там они быстро освоились и стали жить припеваючи. Еще при Стронции Барии Первом с шахтерами была налажена торговля: они поставляли золото и драгоценные камни, за что и получали пиво и снесь.

легче, если бы Хорхиус не поставил еще два условия (причем не только в игре с Зав-Итоком, а с любым соперником)...

Первое – играть всегда три партии (дураку понятно, что при таких раскладах для полной победы достаточно выиграть две из трех).

Второе – любыми способами заставить соперника сыграть.

Шахтер же Пижону попался настолько старый, что его приходилось постоянно будить и тормошить, чтобы не сорвать игру свистящим храпом...

К моменту первой победы (состоявшейся через три дня после начала партии) у шахтеров случился праздник великого Дармоеда. На месяц Пижону пришлось забыть о картах и, посаывая кровь из поздних гуляк, размышлять о том, сколько еще придется возиться с бородатой развалюхой Зав-Итоком.

Наконец, когда праздник подошел к концу, игра продолжилась.

И старый хрыч выиграл ее, несмотря на то, что Пижону чуть ли ни силком пришлось впихивать ему карты.

А в третьей, случившейся после огромного пира в честь смерти старого и воцарении нового государя Шахты (еще два месяца – коту под хвост!), Пижон все-таки одержал верх. И то – старый хрыч умер, так и не раскрывшись, после чего шулер спокойно и, главное, по правилам срезал с его бороды клочок и отправился на поиски второго оппонента – временного собрата Бледного.

Тут дело обстояло вроде бы полегче, но не все, что кажется простым, обязательно просто...

Вампир, которого ему «заказал» Хорхиус, обитал в заброшенной гостинице «Дворянская корона». Причем не один, а с братиком и шестью дружками. Когда Пижон появился в «Короне», все они, как назло, оказались там. Поэтому сначала пришлось играть против всей честной компании.

Однако тут удача была на стороне проверенного годами шулера. И вот, когда он остался один на один со своей «жертвой» (если не считать, конечно, психованного брата Бледного, Крейза, не игравшего в покер по завету бабушки), – такая фиговая карта! Если бы не внезапные спасители, вполне могло стать так, что этот осиновый кол вбивали бы в грудь ему!

– Чего ржешь? – резко повернулся к сопернику Бледный. – Вскрываемся! – и бросил карты на стол.

Пижон завороченно следил за их полетом. Вначале на стол упал король. Прислонившись к нему боком, легла дама. Чуть дальше, словно показывая собственную независимость, прыгнул валет. Десятка-Девятка.

Пижон, едва сдерживая в груди победный крик, веером развернул карты и положил их против стрита соперника.

Бледный замер с открытым ртом, буравя пикового туза ненавидящим взглядом. Ведь именно этот туз – как символично! – лишил его жизни.

– Ах ты, шулер... – Крейз только сейчас понял, к чему «приговорил» его брата Пижон. – Я тебя...

– Усохни, Крейз, – остановил его Бледный. Лицо проигравшего вурдалака, и так не слишком румяное, ныне и вовсе приобрело какой-то «снежный» оттенок.

Крейз, растерянный, заткнулся, изредка косясь на Пижона злыми глазами.

– Чего скисли все? – подал голос кольчужный. – А, дерганный? – это он, видимо, Крейзу.

Вампир хищно оскалился и угрожающе зашипел, словно гадюка перед броском.

– Ты это... Не буйствуй! – Парень погрозил кровососу топором. – Сейчас как дам промеж глаз – и никакое бессмертие не поможет!

Крейз, измерив секиру взглядом, решил, что тут уж кольчужный прав, и шипеть да корчить рожи перестал.

А Бледный тем временем приставил к груди кол. Тот нестерпимо жег ладонь, но вампир геройски терпел.

Знал ведь, на что шел, когда за стол этот садился! Теперь надо выполнять!

Пижон медленно взял молоток в руки. Замер, пристально глядя на осину в руках сородича.

– Чего ждешь? – охрипшим голосом спросил Бледный. – Давай бей, как договаривались! И шулер ударил.

Кольчужный и бровастый вздрогнули – отчаянный крик умирающего вампира с треском разорвал ночную тишину. И пусть он длился лишь миг, но пробрал до самых пят.

На месте Бледного осталась лишь небольшая кучка пепла.

Крейз рванулся с места. Пижон едва успел откатиться в сторону: когти бешеного собрата мелькнули возле самого лица. Вскочив на ноги, шулер тут же получил удар в бок.

Страшная боль взорвалась внутри, обожгло располосованный бок. Пижон скривился, а Крейз уже заносил лапу для нового удара...

Перед лицом картежника блеснуло лезвие топора, и башка родича Бледного покатилась к дальней стене.

Возле обезглавленного тела мигом оказался бровастый. Зубами выдрал из маленькой бутылочки пробку, он живо полил им шею вампира.

Тело дернулось в предсмертной конвульсии и рассыпалось прахом. Голову в углу постигла та же участь.

Похоже, мужик не обманывал, когда говорил о святой воде.

Пижон опустился на лавку, прижимая ладонь к раненому боку. Боль потихоньку отступала: вампирская регенерация делала свое дело.

– Эх тебя угораздило! – покачал головой кольчужный. – Чего он такой буйный, а? Крови у бешеной собаки напился?

– Черт его знает, – пожал плечами вампир. – Я с ним, считай, и не знаком!

– Ни фиги себе! – поразился парень и повернул голову к бровастому: – Да если бы все незнакомые на нас с тобой так бросались, мы б давно на погосте отдыхали!

– Я ведь его брату кол в сердце вбил, – объяснил Пижон. – А он, чувствительный малый, посчитал меня за убийцу. Но я-то чего – Бледный мне сам предложил такие условия!

– А Бледный – это, стало быть, его брат и твой соперник, которого ты в тлен обратил? – спросил спутник кольчужного. – Правильно сэр Жруно говорит – лучше уж на деньги играть!

– Я б и играл, – вздохнул Пижон и, подойдя к стулу Бледного, смахнул его пепел в ладонь, – коли б меня вампиром не сделали.

И поведал о том, как его укусил вурдалак. Естественно, про Хорхиуса, вызвавшегося его от напасти избавить, картежник разумно смолчал: нечего каждому встречному-поперечному всю свою подноготную выкладывать!

– Грустно, – искренне посочувствовал кольчужный. Насчет пепла, который вампир высыпал в небольшую колбочку, никто дознаваться не стал. – Пижон ты, значит? А я сэр Жруно де Фэт, можно просто – Фэт! А это...

– Кушегар. Можно просто – Кушегар, – бровастый склонил голову в знак почтения.

– Фу, как тут жарко! – тяжело вздохнул Фэт и стянул надоевшую кольчугу.. – Ты, кстати, кусаться не будешь?

– Нет, – усмехнулся Пижон. – Вы мне шкуру спасли, так что я, наоборот, ваш должник.

– Шкуру? Ничего мы не спасали! Так ведь? – сэр Жруно вопросительно посмотрел на Кушегара. Тот лишь пожал плечами:

– Да мы только Крейза этого, будь он неладен, прижучили. Да и то – кто знает, не кинулся бы он после Пижона на нас с тобой?

– Ну, – согласился сэр Жруно и снова повернулся к вурдалаку.

– Когда вы вышибли дверь, братцы отвернулись, а я подменил три карты! – объяснил Пижон. – И выиграл!

Фэт и Кушегар переглянулись.

– Нечестно, выходит, ты победил! – покачал головой парень. – Надо б тебе плюх за то надавать и гнать отсюда в шею!.. Но, коли не вернуть уже обратившихся в тлен вурдалаков, пусть все остается, как есть! Можешь идти, куда хочешь, а мы пока спать будем укладываться. И смотри: ежели укусишь нас, дремлющих, прахом обратишься, заклинаю!

Вампир серьезно кивнул и пошел к черному прямоугольнику выхода.

– Стой-ка, Пижон, – окликнул его Кушегар.

Шулер остановился и повернулся к зовущему.

– И о должке своем не забывай! Авось пригодится?

Картежник еще раз кивнул и, постояв с чуток, видимо, ожидая новых вопросов, прыгнул в ночь. Спутники аж рты пооткрывали: так и убиться можно. Но вместо смачного удара и ругани, до слуха долетел хлопот крыльев.

– Перекинулся! – разом выдохнули оба.

Полночь приближалась неминуемо, как похмелье после пьянки.

Фэт убрал кольчугу в мешок, а Кушегар стал досматривать седельные сумки на предмет ужина.

– А вообще в таких местах лучше бы в ней переспать! – так, между делом, заметил Комод.

– Чего я, совсем дурак? – покрутил пальцем у виска Фэт. – Чтоб к утру изжариться?

– Ну, изжариться ты, конечно, не изжаришься... Но, сам подумай: разве лучше сдохнуть в зубах какой-нибудь нелюди, вроде нашего вампира, зато без кольчуги?

– Сдохнуть, – не задумываясь, ответил рыцарь. – Так хоть меньше мучиться!

Комод страдальчески поднял взгляд к небу, умоляя забрать остолопа с грешной, но такой родной земли. К сожалению, до резиденции Бога был еще потолок, крыша и второй этаж между ними, да и под ногами – не земля, а доски пола. В общем, не исполнил Бог его просьбу. Можно было даже не пытаться ползать на коленях и громко звать к нему.

Кушегар и не стал: затеплив огонь в камине, он нашел в кухне котелок почище и, сходяв к колодцу за водой, принялся застряпню. Для истинного барона готовил он просто отлично: по крайней мере сварить вкуснейший суп мог запросто.

Вскоре по залу разнесся чудеснейший аромат. Фэт, от нетерпения перебравший все ложки и, наконец, выбравший одну, невольно облизнулся: где еще придется отведать столько мяса, как не здесь? У короля, наверное, одни мужики на уме. А придворным поварам из-за этого не остряпне думать приходится, а о собственной чести.

В трактирах да корчмах, которые, несомненно, еще встретятся путникам по дороге в столицу, может, и будет хоть что-то. Но разве в это «что-то» скряги-корчмари кинут грудинку, ножку, печенку? Только кости, да и те – не каждая псина разгрызет!

– Эй, Куше... – хотел спросить Фэт, но Комод остановил его:

– Тише! Прислушайся!

Сэр Жруно послушно заткнулся и напряг слух. На втором этаже кто-то противно-противно скреб когтями (или чем там еще?..) пол.

– Во напасть на ночь глядя! – буркнул Фэт и, не обращая внимания на протестующего Кушегара, с палахом наперевес побрел наверх, разбираться с таинственным обитателем второго этажа.

Идти на шум было намного проще, чем слышать его все громче и громче. Впрочем, всякого рода шума в родной деревеньке хватало всегда. Порой даже он, на что лентяй да маменькин сыночек, а тоже старался кричать, ломать, бить и портить... Покуда мать домой не позовет, кушать. Фэт, поев, выходил на крыльцо и, утерев губы рукавом, снова устремлялся в такой любимый сердцу шумный мир.

Но, как бы он ни пакостил тогда, скрестись в пол посреди ночи да так, чтобы аж внизу морщились и кривились – это только нечисть проклятая может. А звуки, этой нежитью издаваемые, как известно, для человеческого уха неприятнее обычных в стократ.

У одной из дверей, блестящей облупленным номером на зависть сестрицам, скобление стало громче. Не мудрствуя лукаво, Фэт ударил в эту дверь ногой.

Скрипнувшие петли, в паре со скрежетом, саданули по ушам с мастерством искусного палача. В глазах на мгновение помутнело, однако картинка очень быстро вернулась.

Правда, теперь в двух шагах против Фэта стоял приличного роста эльф.

Он остроухих, конечно, не видел. Да и они его, наверное, нет.

Впрочем, этому эльфу было явно наплевать, видел его Фэт или нет. Поэтому он без лишних вопросов бросился на Фэта, сжимая в руке изящную рапиру.

Рыцарь чисто машинально отошел в сторону, и враг, пролетев мимо, остановился в считанных пальцах от стены.

Развернулся, готовясь принять бой.

Зря надеялся.

Фэт просто хапнул эльфа за шкурку и, отобрав клинок, дал пару раз под дых. Остроухий вроде утихомирился, и рыцарь потащил его вниз, Кушегару показывать.

– Во нечисти наплодилось! – подивился Комод, увидев спускавшегося по лестнице Фэта с бесчувственным эльфом в руках. – Куда ни плюнь – везде они!

– Не говори! – согласился сэр Жруно. – Он еще на меня с этой вот штукой кидался! – и показал отнятую рапиру.

Кушегар тут же оказался рядом и выхватил оружие из Фэтовых рук.

– Что такое? – не понял рыцарь.

Комод тем временем уже присел у камина на пропитанный пылью пуфик и с интересом разглядывал эльфийский клинок. Затем поднял глаза на Фэта:

– Он не эльф. И даже – не он.

Ночной гость, к тому времени очнувшийся, слабо дернулся, но Фэт, хоть и весьма удивился словам друга, хватку не ослабил.

– Как же не эльф? Гляди, глаза кошачьи! Талия что березка в обхвате! Чем не эльф?

– Вот этим, – Кушегар подошел к узнику Фэтовых объятий и, отбросив прядь соломенных волос, указал на ухо.

Сэр Жруно открыл рот: оно было обычным, человеческим!

– Вот так вот, – причмокнул Комод. – А ты, как тебя там... Обращайся давай!

«Эльф» недовольно надулся:

– Пусть вначале отпустит!

– А ты не сбежишь?

– Нет, конечно, – фыркнул «эльф». – Толку-то?

– Действительно! Но ты хоть подумала б чуток: мало что клинок бабский взяла, под левую руку, так еще и с ушами не постаралась!

– С ними ничего не поделаешь, – вздохнула гостя. – Даже лучшие наши маги не умеют менять их форму.

– А чего так?

– Уши у каждой Изошедшей расы особо индивидуальны. Заменить их просто не представляется возможным по многим причинам, которые я называть не буду, потому что этот великан сейчас меня раз... ой!.. давит!..

– Ладно, отпусти ее, Фэт, – велел Комод.

Рыцарь хмыкнул и разжал руки.

– Так-то лучше! – сказала неизвестная, потирая ушибленные коленки.

– Думай в следующий раз. Эльфов, поди, уже и вовсе ни одного не осталось, а ты в него обращаешься. Да я бы больше поверил, если бы Фэт наверху дракона встретил!

– Да будет тебе! – осадил его рыцарь. – Не видишь: плохо ему, помирает!

– Не ему, а ей! – прошипел Комод. – А ты – хватит притворяться, вставай давай! Будто у тебя сил больше не осталось!

«Эльф» устало вздохнул и неожиданно задрожал мелкой дрожью. Рыцарь бросился было на помощь, но Кушегар остановил его:

– Так надо, – прошептал он, не отрывая взгляда от ночного гостя.

Конвульсии продолжались недолго. Вспышка света – и перед приходящими в себя Фэтом и Кушегаром стояла уже самая обычная молодая девушка, а не заносчивый эльф с человеческими ушами.

Аккуратное личико, правда, чуть вытянутое вперед, тонкий чувственный нос, едва заметные линии бровей, пышные ресницы над большими карими глазами. Пухлые губки, чуть острый подбородок. Длинные темные волосы спадают на узкие плечи, словно подчеркивая хрупкую фигуру девушки.

– Ну? Нравлюсь? – спросила она у рыцаря.

Тот кивнул:

– Худая только, ну да ничего: вес нагнать – не сбросить.

– Спасибо, конечно, но ни набирать, ни сбрасывать ничего не собираюсь! – фыркнула девушка и, немного помолчав, протянула Комоду нежную ладошку: – Элви!

– Кушегар, – согнувшись в три погибели, он поцеловал ее руку.

«Дворянское воспитание, чертова круча!» – завистливо подумал Фэт.

Он не стал выпендриваться и просто крепко пожал протянутую ладонь.

Элви едва заметно скривилась, но тут же вымучила улыбку, чтобы не портить знакомство чересчур крепким рукопожатием.

– А теперь скажите мне вы: что могло понадобиться двум путникам в забытой богом гостинице? – Девушка, взмахнув гривой черных, как сажа, волос, уперла руки в бока.

– Мы переночевать хотели! – сказал рыцарь недоуменно. А для чего еще можно заходить в корчму? Выпить, разве что. Да поесть.

– А не видно разве, что ее давно оставили не только посетители, но и сам хозяин?

– Пока мы с Кушегаром не вышибли двери и не обнаружили закупоренных внутри кровососов – нет, – Комод отправился снимать котелок с огня и разливать суп по мискам, так что Фэту приходилось отдуваться не только за себя, но и за учителя.

– Вот люди пошли: пока не понюхают, не потрохают и не сопрут – ни за что не оставят! – фыркнула девушка. – Да от этой корчмы за милю несет смрадным запахом!

– Ты его не путай, дорогая, – подал голос суеящийся у камина барон. – Это тебе несет – ты магии обученная. А мы с ним – обычные смертные, к вашим магическим штучкам никакого отношения не имеющие!

– Ну, извините, – Элви с явным трудом выдавила из себя это слово и тут же скривилась: извиняться она явно не любила. – Просто вы мне охоту испортили, вот я и злюсь!

– Какую еще охоту? – удивился Фэт. – Неужто ты вампиров стрелять собиралась?

– Не стрелять, а в тлен обращать! Им твои стрелы – что легкий сквозняк для столетнего дуба: свистит что-то рядом, а ни вреда, ни пользы не причиняет.

– А если осиновыми? – с надеждой поинтересовался рыцарь.

– Да хоть алмазными! Им осиновый кол нужно, заранее освященный. Есть у них такая способность – стрелы, в их сторону пущенные, с полета сбивать. Причем неосознанно!

– О как! – подивился Фэт. – Слышал, Кушегар, чего наш новый приятель умеет!

– Слышал-слышал, – проворчал Комод. – Только не приятель он нам – так, должник. А насчет того умения – оно нам один черт не пригодится!

– Почему это?

– А ты подумай: если от него стрелы отлетать будут, на кого пойдут?

– На нас, наверное... Ну, дык, он, может, не только с собой такую штуку делать умеет? – Фэт умоляюще посмотрел на Элви, словно способности вампиров зависели только от ее слова. – Или нет?

– «Или нет», – она цинично разбила его надежды. – А с чего это вампир вашим должником стал?

– Черт его знает! – ответил Фэт. – Играли они тут в карты, мы зашли, Пижон этот победил и вампиру кол в сердце – бац! Тут брат убитого подрывается и начинает на Пижона прыгать. Оцарапал его даже. Ну, тут уж и мы подросли. А вампир, отдышавшись, сказал, что, мол, спасли мы его от гибели, и он теперь наш должник.

– Коротко и ясно, чисто по существу... – язвительно заметила Элви. – Прямо...

– Да хватит тебе разоряться! Есть иди, пока не остыло! И ты, лоботряс, тоже.

Фэт хотел было возразить, что, де, никакой он не лоботряс, а очень даже приличный герой, однако Элви рванула с места, словно кролик за морковкой. Пришлось рыцарю поспешить – съест еще все, чем потом живот набивать?

Да и опасения о «последнем мясном ужине» не оставляли Фэта ни на секунду.

– В общем-то, я еще не слишком опытная волшебница, – призналась Элви с лавки. Не знамо почему, но она решила остаться в компании двух «грубых мужланов». Может, что-то придумала, а может, просто побоялась идти в ночь одна.

Фэт, прилегший в углу, громко сморкнулся в край одеяла и поинтересовался:

– А зачем тебе эти вампиры понадобились?

– Магистру нужна мертвая кровь. Не знаю, зачем, но он велел принести ее как можно быстрее.

– И что ты теперь будешь делать? Ведь вампиры либо передохли, либо улетели, как Пижон.

– Не знаю. Наверное, новых искать буду.

В зале воцарилась тишина. И только за окном шумел, разбиваясь о стекла, косой осенний дождь.

Каждый из путников задумался о своем. Девушка – о вампирах. Точнее, об одном-единственном. И никакая мертвая кровь на самом деле ей была не нужна.

Кушегар размышлял о грядущем турнире, о возможной победе, о возвращении в родные земли.

А Фэт просто пытался заснуть.

Даже без кольчуги в корчме было очень жарко. Белая рубаха липла к телу, по ней разбегались сальные пятна. Смахнув со лба пот, Фэт рывком сел и стянул надоевшую одежду, оставшись в одних трусах.

Может, при дворе и не принято так спать в присутствии дамы, но мучиться дальше лентяй не мог.

С одеждой ушла духота; стало полегче дышать, пусть по всему телу еще блестели маленькие бисеринки пота. В горле пересохло. Рыцарь помучился еще с пару минут, после чего не выдержал и побежал на кухню – выпить чего-нибудь.

Но по закону подлости ни пива, ни вина, ни даже самой обычной воды там не оказалось. Зато нашлась живая курица.

Фэт глазам не поверил: птица кудachtала, хлопала крыльями и бегала по кухне, словно в поисках выхода.

Завидев рыцаря, она замерла и, поправив гребешок, на чистом Всеобщем спросила:

– Что надобно тебе, путник?

- Ты чего, говорить умеешь? – поразился рыцарь.
- Конечно, умею. Почему нет? – обиделась курица. – Выкладывай, что тебе надо, и вали отсюда – дай зерен поклевать!
- Что мне надо? – задумался Фэт. – А все исполнишь?
- Конечно. Я ведь золотая Кура!
- Заводная кур... кто? – испугался Фэт. Мать всегда предостерегала его от общения с этими самыми, курбами, кажется, и в особенности заводными. Фэт тогда мало что понял, кроме того, разве, что папа пал жертвой этих самых... курб!
- Сам ты такой! – разозлилась курица. – Золотая Кура я, повторяю для особо умных! Загадывай желание, пока в сверчка не обратила и не склевала к чертям!
- Дай-ка минутку... – желаний было много, только вот выбрать из них одно – сложнее задачи не придумать. Хотелось и дом здоровый, как изба баронов, но в три раза больше, и жену-красавицу, и денег мешок... Ну, да, подумав, решил Фэт, что и хоромы, и золото, и бабу он на турнире все одно выиграть сможет, и сказал:
- Вот ты говоришь, что все исполнить можешь, так ведь? А вот если пожелаю я, чтобы нечисть вся в мире перевелась – сделаешь?
- Запросто, – повела крылом птица. – Исполнять?
- Да... нет, постой, – Фэту неожиданно пришла в голову мысль, что, ежели Кура сейчас действительно избавит мир от нечисти, то и Пижона, их должника, не станет. А прощать долги было не в его, рыцаря, принципах. – Лучше уж тогда... Счастье всем в мире сделать можешь?
- Только попроси!
- Не буду. – Чтоб всем счастье сделать, надо по меньшей мере нечисть извести под корень. А ведь Пижон... – Лучше знаешь чего? Дай-ка мне кружку пива!
- И все? – поразилась Кура. – Ты того, смертный, подумай хорошенько: я же всего раз в жизни прихожу, и то не ко всем! А ты – «кружку пива»!
- Ну, пусть это будет большая кружка, – подумав, решил Фэт. – И чтоб пиво в ней никогда не кончалось. То есть пусть она вроде и пустой кажется, чтоб по сумкам не разливаться, а как начнешь с нее пить – чтоб только лучший эль!
- Уже лучше, – вздохнула Кура: таких остолопов, как этот полуголый герой, она еще не встречала, но – воля его: что заказал, то и получит. – Держи свою кружку! – и, взмахнув крыльями, вылетела через распахнутое окно.
- Фэт не успел и глазом моргнуть, как что-то больно ударило его по голове. Полежав на полу с минуту и посчитав все звездочки, кружившиеся над носом, рыцарь невероятным усилием сел. И, преодолевая боль в пустой голове, радостно возопил:
- Пиво!
- Прямо перед ним на полу стояла пивная кружка. С виду она казалась пустой, но Фэт-то знал, что золотые, пусть и кур... короче, не дурят!
- Одолеваемый жаждой, рыцарь схватил кружку обеими руками и выпил.
- Точнее, попытался выпить. Потому что кружка оказалась действительно пустой.
- Ах ты!.. – воскликнул обманутый герой и со злости зашвырнул подарок Куры в распахнутое окно – авось на лету догонит? Потом поднялся...
- И замер.
- На полу лежало четыре равных осколка, отдаленно напоминавших злополучную кружку. Прикинув в уме, что закинутый в окно подарок не мог так быстро вернуться (пусть и Земля, как говорят еретики, круглая), он снова радостно заорал:
- Курочка! Ай да молодец!
- Схватив осколки, Фэт бросился в гостиную: ум опытного пивоглота мигом нашел способ вернуть кружку в прежнее, целое состояние.
- Элви! Элви! – громко зашептал рыцарь.

- Чего тебе? – с трудом распахнув один глаз, посмотрела на него волшебница.
- Соединить обратно можешь? – Фэт показал ей осколки.
- Тебе чего, больше выпить не из чего? – нахмурилась сонная волшебница.
- Мне эта нужна! – заерепенился лентяй.

Бурча, Элви села. Взяла из рук Фэта осколки. Разом вскинула брови:

- Магия в ней откуда?
- Потом расскажу, – отмахнулся рыцарь. – Ты только почини ее, а там сама увидишь!

Элви покачала головой, но все же прислонила осколки друг к другу и сжала, насколько хватало сил. Между ладоней вспыхнуло нежно-голубым. Рыцарь поморщился: в воздухе запахло как после грозы.

Радуги, однако, не последовало: вместо этого Элви протянула пораженному лентяю абсолютно целую кружку. Без единой трещинки.

- Ух ты! – только и сказал он, принимая посуду из ее рук. – Как ты так?

– Легко, – чуть поморщилась Элви. – А вообще – долго объяснять. Лучше скажи, где ты ее нашел?

- Курица золотая подарила.
- Кура? – Глаза у волшебницы загорелись. – А эту где встретил?
- Да на кухне была. Зерно поклевать залетала!
- И что, предлагала желание загадать? – голос Элви дрожал. Она напоминала маленькую девочку, которая наконец-то узнала, что Дед Мороз и вправду существует.

У Фэта в деревне, к слову, этих самых дедов морозов было хоть выкидывай. Как напьются – так и жди, с топором, пока кто-то через дымоход полезет. А лезли, порой, по шесть-семь за ночь. Только вот без подарков. Зато с красными носами и до-о-обрые!..

- Предлагала.
- И что? – радостно улыбнулась Элви. – Что же ты загадал?
- Вот, – Фэт показал волшебнице чудесную кружку.

Лицо девушки вытянулось.

- Ты попросил у нее ПУСТУЮ КРУЖКУ??? – спросила она, не веря.

– Ну, – подтвердил рыцарь. – Только вот...

– Какой же кретин... – Элви вновь улеглась и тут же отвернулась к стенке, показывая, что разговор закончен.

– А чего я? – пожал плечами рыцарь, прихлебывая из кружки. – Вы еще посмотрите, когда от жажды будем умирать, тут она и выручит!

Но Элви уже тихо посапывала и не слышала его слов.

Постояв над ней с минуту, Фэт махнул рукой и, загнав кружку под лавку, лег на подстилку у камина.

Через минуту его богатырский храп заставил стены содрогнуться, а подарок Куры так и вовсе – заходить ходуном.

Ночные гости их не беспокоили: дверь таверны Кушегар предусмотрительно запер на засов, а запах мертвечины и запустения заставлял случайных тварей обходить заброшенную гостиницу стороной.

Глава 2

БОЛОТО ВАСИЛИСКОВ, или ПИВО ЕСТЬ – УМА НЕ НАДО

Солнце, едва поднявшись из-за горизонта, бросило в окно горячий лучик света. Он, просочившись через бычий пузырь, подумал с чуток да и ударил Фэту в глаз.

Рыцарь недовольно поднял веко: наглый луч даже не потускнел, напротив – сделался еще сильнее, видимо, стараясь вовсе лишить Фэту зрения.

– Черта с два тебе, зараза! – прокрипел рыцарь и встал. Стуча босыми пятками по полу и, как обычно, зевая, он подошел к окну и сдвинул шторы. Луч обломался и исчез.

– Так-то лучше, – проворчал Фэт и пошел будить друзей.

– Чего орешь? Война началась, что ли? – сонно поинтересовался Комод, блаженно потягиваясь на лежаке.

– Нет. Хотя твой храп, наверное, всю Шахту позавалил! – пошутил Фэт.

– Да кто б уж говорил! – усмехнулся барон без баронства. – Твой бы мог началом войны послужить, окажись мы не в этом захолустье, а в приличном дворянском обществе!

– Неужто так скучно, что все прямо на банкетах засыпают? – изумился рыцарь.

Комод, не зная, действительно ли Фэт такой дурак или все поправимо, неопределенно кивнул и, кое-как поднявшись, пошел к камину разводить огонь.

– Слушай, а тебе бы больше имя Кашевар подошло, а не Кушегар! – подтрунил его сэр Жруно.

– Не нравится – сам готовь! – пожал плечами как всегда невозмутимый барон, помешивая остатки вчерашней похлебки.

– Да ладно тебе – пошутил я, пошутил! – поспешно заверил рыцарь.

– Смотри у меня! – погрозил ему пальцем Комод. – А то я живо... И не посмотрю, что под рыцаря косишь!

Фэт недоверчиво хмыкнул – наверное, уже ощущал себя герцогом, которому не каждый барон-пропойца в подметки годится, – но от дальнейших шуток воздержался. Вместо этого он достал трофейную кружку и всласть напился. Конечно, не до драконов и принцесс, но тоже неплохо.

Запах утренней каши разбудил и Элви. Волшебница умылась в принесенном рыцарем ушатѣ и, причесавшись, уселась рядом с Фэтом на лавку. Принюхалась. Поморщилась:

– Ты где пиво нашел?

– Вот, – Фэт с абсолютно серьезным видом показал ей кружку золотой Куры.

– Чего – вот? – не поняла Элви. – Она ж пустая!

– А ты попробуй отпей! – посоветовал Фэт и протянул ей подарок курицы.

Элви приняла кружку и, недоверчиво сощурившись на лентя, попробовала отпить. Получилось, и волшебница поспешно сплюнула пенящийся напиток на пол.

– Ого! – уважительно сказала она, возвращая кружку хозяину. – А я-то подумала!..

– Я знал, что заказывать! – гордо сказал Фэт.

Элви сочувственно оглядела его с ног до головы, показывая, что все одно прогадал, но от дальнейших комментариев воздержалась.

А тут и Кушегар подоспел: котелок с дымящейся кашей мигом занял умы парня и девушки, вынудив забыть обо всех золотых Курах, когда-либо топтавшихся золотыми же петухами.

Быть летучей мышью – вредное, никчемное и неблагородное занятие.

Пижон не раз в этом убеждался. Стоило только показаться впереди какому-нибудь селению, деревне или городу, в его сторону тут же начинали лететь стрелы и грязные ругательства. Порой даже магией бить пытались – благо вампирский иммунитет исправно заклятия отражал.

Да и стрелы отражал, хоть и не всегда.

А все равно – человеком быть приятнее.

С другой стороны, быть летучей мышью – очень выгодно: не надо тратиться на лошадей или путевой запас провизии, потому что в облике твари можно хоть весь мир облететь от края от края не более чем за день. Потом, правда, сдохнешь, от безостановочного полета, но Пижону такие долгие путешествия пока нужны не были: всего за час он покрыл тридцать миль – как раз столько отделяло «Дворянскую корону» от землянки Хорхиуса.

Пижон не раз удивлялся этой прихоти мага: все нормальные волшебники строили себе высоченные башни, в которых устраивали библиотеки, хранящие на ветхих полках множество старинных фолиантов. Иногда – за деньги, конечно, – показывали фокусы всем желающим. Порой даже творили чудеса: целый день к чарке не притрагивались, как бы не хотелось.

А Хорхиус чего? Вырыл яму в земле, дверь деревянную с засовом сварганил и живет себе. Книг всего две (одна, как водится, вместо сломанной ножки у стола, а от второй уже меньше половины осталось: большинство страниц хранило в себе жерло отстойника), денег с прохожих не берет, только просит о чем-то (прямо как его, Пижона) взамен... Зато чудеса творит – глаз радуется.

Пижон отлично помнил, как маг обучал его искусству превращения в мышь. Первый раз получилось только в обычную, серую и нелетучую. Шулер это хорошо помнил: его тогда чуть кошка Хорхиуса не сожрала. Второй раз получилось лучше – у мыши еще появились крылья. Так что кошка, как ни бесилась, достать пищущего зверька не могла.

И только на третий раз Пижон смог обратиться в настоящую летучую мышь.

Этот момент вампир, наверное, не забудет: именно тогда он в первый раз ощутил себя самым омерзительным, отвратным, уродливым существом и в то же время понял, что все остальные, не знающие вкуса полета существа, с этого момента станут лишь жалкими букашками, на которых нужно смотреть свысока или вовсе не обращать внимания.

– Пижон, родненький! – икнул старик, поспешно опуская бутылку вина под стол. – Как быстро обернулся! Всего-то две недели! С шахтером, помнится, почти полгода возился!

– Так то шахтеры, медлительные и неуклюжие, – фыркнул картежник, уже будучи в обычном вампирском облике. – Праздников себе напридумывали, чтобы королевство без золота и руды оставить. Я на два таких попал... Думал, на третьей неделе помру от выпитого эля, однако шахтеры какой-то штукой накормили, что сразу хорошо-о-о становилось...

– Пепел раздобыл? – перебил его нетерпеливый волшебник, облизав наконец вино с губ.

– Ну, еще бы, – презрительно хмыкнул вампир, словно мешок с этим самым пеплом валялся в его кармане уже три года кряду, и бросил почти невесомый кошель (ну, некуда было больше собирать!) в подставленные ладони мага.

– Отлично, – Хорхиус поспешно развязал шнурок и, заглянув внутрь, удовлетворенно повторил:

– Отлично... Теперь надо Вечного Голема вздуть!

– Кого? – удивился вампир. – Это еще что такое?

– Никто не знает, – пожал плечами волшебник и неожиданно гаденько улыбнулся: – Кроме меня, конечно.

– Ну, и чего ж ты знаешь, любитель красного полусладкого? – иронично сощурился шулер.

– То, что надо тебе лететь на срединный островок и искать вход в големскую обитель.

– Как же я ее найду?

– Тю! Да там по всему острову указатели на дом этой железки! Это ж единственная штука на Срединном интересная!

– А, понятно. Так, а что с големом?

– Что-что? Сидит картежный автомат и ждет новых клиентов. Вот только с последнего раза уже две сотни лет прошло. Может, он и поломался давно – механизм ведь!

– А с него тебе что надо?

– Гайку золотую.

– И все? Так я ее и скрутить могу, по-тихому!

– Нет. Ты ее выиграть должен!

– Тьфу на тебя, зачем? Я ж и так заберу!

– Мы как договаривались?

– Ну, ладно-ладно! – смирился Пижон. – Мне прям сейчас отправляться?

– Нет, можно попить... – Хорхиус бросил вампиру бутылочку красной жидкости. На вид – обычная кровь. На вкус... то же самое. – А вот теперь – в дорогу. И не надо мне ничего говорить про здоровый сон, якобы необходимый растущему организму! Ты вампир, и спать тебе не нужно!

Пижон устало вздохнул: насчет «спать» маг прав. А вот просто поваляться в темном уголке, восстанавливая силы после длительного путешествия в преддверии нового, еще более продолжительного, картежник не отказался бы... Впрочем, правила здесь устанавливает не он, а этот худосочный старикан, который должен был развалиться на части еще пару сотен лет назад, однако, наплевав на все законы природы, продолжал жить.

Летучая мышь покидала землянку ранним утром, отправляясь в третье, весьма рискованное путешествие. За успех одного маг Хорхиус, выудив из-под стола бутылку, с жадностью и выпил.

Элви, как оказалось, очень боялась ездить верхом.

Или ей просто нравилось прижиматься к широкой спине Фэта?

Впрочем, рыцарю было все равно. Хочется тереться щекой о холодную кольчугу – пожалуйста. Главное, чтобы не испортила, а там – хоть трава не расти.

Они ехали по укатанному сотнями колес и лошадей тракту, когда волшебница неожиданно громко взвизгнула:

– Стой! Стой, остолопы!

Фэт и Кушегар, скорее машинально, натянули поводья и с недоумением уставились на девушку.

– Там... Я чувствую оборотней, – сказала Элви, напряженно морща лоб.

– И сколько же их? – поинтересовался Кушегар, мимоходом проверяя, легко ли меч выходит из ножен.

– Пять... или шесть?.., но не меньше. Надо обойти их. У них... магия.

– Откуда у оборотней магия? – изумился Фэт.

– Почти все, кто сейчас впереди, – высшие оборотни. Они могут творить волшебство не только в человеческом, но и в зверином облике!

– Во дела... – протянул Фэт пораженно. Ему всегда казалось, что оборотни только в зверей перекидываться могут. А тут какие-то высшие, оказывается, магией обладают! Живое представив себе стреляющего в него молниями зайца, он вздрогнул. Тут же перед глазами возник трофей в лесной «усадьбе» баронов, и лентяй посмотрел на Кушегара с нескрываемым уважением.

– Да, дела, – согласился Комод и, словно прочитав мысли рыцаря, сказал: – Вот, помню, наткнулись мы с сэром Ровэго на одну такую тварь – зайца магического. Так трех человек положили, прежде чем я морковкой догадался приманить да по башке эфесом пристукнуть!

– Может, и этих прикормим? – с надеждой спросил Фэт.

– Ага, прикормим, – скептически хмыкнул барон. – Особливо если там волки: ты как раз на прикорм подойдешь!

– Сворачивать надо. Через лес идти, – подала голос волшебница, чувствуя назревающий спор. – Твари эти по утрам всегда у дорог околачиваются, чтоб побольше еды поиметь!

– Куда ж мы пойдем? – удивился Кушегар. – Там же...

– Ну да, – волшебница невозмутимо пожала плечами, однако даже Фэт почувствовал в ее голосе тревогу. – Болото василисков.

Комод покачал головой, посмотрел в ту сторону, где, по словам Элви, притаились невидимые оборотни. А не лучше ли сразу к известной смерти в пасть? Чем гореть в огне василисков?

Махнул рукой:

– Пошли!

Спешившись и сняв с лошадей уздечки да сумки, троица путников нырнула в чащу.

Мерины остались одни.

Подумав, они не нашли ничего умнее, чем пойти по дороге дальше – на радость затаившимся в кустах оборотням.

– Ну, и где тут твое болото? – Фэт набрал полную ложку каши.

– Да отстань! Знала б – сказала! И... ай! Не кидайся!

– А буду, – сказал рыцарь, набирая уже новую. – Пока не покажешь эту топь проклятую!

– Зачем она тебе? Фэт, дурак, она ж горячая!

– А я скоро околею в этом лесу. Главное, гнилью несет, а никуда не выходим – ни к королевскому двору, ни к болоту!

– Ты думаешь, от двора бы гнилью воняло? – ехидно поинтересовался барон, протирая меч. – Там у них бы рябчиками да кабанчиками, да в собственном соку... Эй! Я тебе больше и варить не буду: ты ее только выкидываешь!

– А не дразнись! – посоветовал рыцарь и снова повернулся к волшебнице. – А если через твое болото идти, точно к столице выйдем?

– Даже быстрее, чем по дороге. Если, конечно, василиски там вдруг возьмут да передохнут!

Фэт непонятно к чему хмыкнул: то ли намекнул, что огнедышащие твари – вроде тех драконов, но поменьше – для него на один зуб, то ли предполагал печальный конец всего путешествия.

– Знаешь, Элви, – сказал барон, откладывая в сторону меч, – а ты ведь не из лесных магов! Девушка вздрогнула и странно посмотрела на него.

– С чего ты взял? – спросила она немного наигранно.

Но и этого немного хватило, чтобы Кушегар поморщился:

– Не надо врать! Лучше скажи правду сейчас, а то в желудках василисков мы не особо много услышим!

Девушка исподлобья посмотрела на барона.

– Ты не из Контролеров³ ли?

– Да нет. Обычный беглый барон, – ответил он гордо. – Не маг, в общем. Но и не глупец. Только лесные себя даже магами не называют – лишь друидами.

– Беглый? – оживилась Элви и повернулась к Фэту: – Может, и ты тоже беглый кто-нибудь?

---

³ Маги, следящие за нелегальным применением магии.

– Нет, точно не «кто-нибудь», – покачал головой рыцарь. – И не беглый: меня вот этот с дружкой и десятком слуг спеленали и в лес утащили, к себе в избу!

– Ага, – только и сказала Элви. – А я тебя за потомственного рыцаря приняла, прости!

– Да ничего, – пожал плечами Фэт. – Хотя в приличном городке за такие обзывания просто-напросто бьют морды!

Барон тихо хмыкнул, выражая личное мнение о подобных «приличных городах», где и слово «феодал» небось вызывало у увальней, вроде нового «ученика», чесотку в кулаках.

– А я, как ты... вы уже поняли – беглая волшебница. И на постоянный двор я попала не по заданию таинственного учителя, а потому, что искала одного человека... Точнее, он не совсем человек... По крайней мере еще... уже... В общем, из-за Пижона!

Фэт и Кушегар разом выпучили глаза. Рыцарь мало что рот распахнул, так еще и спросил:

– А на кой тебе такой бледный?

– Мы любили... любим... друг друга. Когда он был человеком – точно. А сейчас – не уверена.

– Так подошла бы и спросила, чего ждала? – фыркнул Комод.

– Он очень не любит, когда его прерывают во время игры. Поэтому я ждала, пока он закончит.

– М-да... А откуда бежишь?

– Из Бурретаунской Академии Низкого Волшебства.

– А почему низкого?

– Под землей она, академия эта: король денег не дал на то, чтобы поверху строить!

– А чего ж ты с нами едешь, дурочка? – покрутил пальцем у виска Фэт. – Мы ж в ту самую столицу едем! А ну как тебя кто из этих магов узнает?

– Я не до самой столицы еду, – объяснила Элви. – Я к магу Хорхиусу, что в полумиле к северу живет от города!

– А чего он тебе там понадобился?

– Слушайте, вы всем столько вопросов задаете или только избранным, вроде меня? – возмутилась Элви. – Зачем, почему – вам знать не следует. Я же у вас постоянно не спрашиваю, чего вы, два здоровых мужика, к королю-мужелюбу едете!

– Ты вот это брось! – замахнулся на нее Фэт, а у барона желваки заходили. – Мы порядочные дворяне!

– Ну, это дело поправимое! – подмигнула ему Элви. – Ты парень статный, Стронцию Барию по вкусу придеешься!

Фэт повернулся к барону, надеясь найти в нем защиту, но тот уже молча хихикал в кулак.

– Да пошли вы все! – рыцарь неожиданно резво вскочил и бросился в чащу.

Он уже не слышал голосов сзади. А то, что натворил глупость, не свойственную настоящему рыцарю, – поддался воле эмоций и заплутал, – понял только, когда окончательно потерялся.

Впору было, как в детской сказке, громко звать «Ау!», но Фэт даже не успел об этом подумать. В кустах перед ним затрещало, и на свет Божий выползла скрюченная бабка с двумя вязанками хвороста, по одной – на каждом плече.

– О, милоч! – обрадовалась старуха. – Ты-то мне и нужен! Подмоги до дома донести!

Фэт даже не успел удивиться, как это древняя такие охапки тащит, когда она уже сунула ему вязанки под мышки и резво устремилась через заросли в одном ей ведомом направлении.

Ничего не оставалось, как пуститься следом: не бросать же старушку?

Бежать пришлось не то чтобы долго, но рыцарь порядком устал отодвигать в стороны норовящие прибавить ссадин ветки.

Избушка у старухи оказалась на диво ухоженная, правда, не без странностей: стояла она на обглоданных человеческих ногах. Да, да, именно ногам и именно человеческим! Фэт и сам

сначала за куриные принял, уже грызть собрался, но в последний момент заметил, что нет у ног этих «шпор» да и пальцев целых пять, на каждой. Вот тогда-то его и пробрало.

– Бабушка, а ты кто вообще будешь? – спросил он дрожащим от волнения голосом.

– Тю! А ты чего, не понял? Друидка я, на пенсии! – Старуха плюнула в развалившегося под избушкой кота. Тот недовольно прошипел по-кошачьи, и, виляя хвостом, удалился в кусты. – Чего б мне еще на пенсии делать, как не хворост собирать да отвары всякие делать?

– Ну, можно еще оленей выращивать! – охотно предположил Фэт.

– Ага, оленей, – согласилась бабка и сощурилась на рыцаря: – Как ты, что ли?

– А я чего? Я этот... дворянин! – поспешно заверил знатнейший из всех известных в мире идадьго. – Сэр Жруно де Фэт!

– Ну, что дефект – это видно. Только вот не думала, что за это еще титул дворянский дают!

– «Де» – это слово такое, перед именем идущее, – попытался объяснить рыцарь. – Короче, зови меня Фэтом!

– Фэтом? Ну, коли хошь, значит, буду – чего уж тут поделать? А ты меня не зови – сама выпаду, коли чего от тебя понадобится! – сказала бабка и уже ступила на крыльцо, но обернулась и, смерив лентяя взглядом голодного коршуна, спросила: – Чего-то я не припомню... Ела я тебя уже или только собралась?

– Ну, если бы ели, то, наверное, я б перед вами не стоял! – предположил Фэт, уже всерьез задумавшись: а не тронулась ли бабка часом, в этакой глухомани?

– Точно, точно, не кушала! – цокнула языком старуха. – Вроде ж всех проезжих сожрала, а тут – на тебе, явился! Тогда давай знакомиться по нормальному – Яба Гага меня зовут.

– Гага? Как гусей? – осторожно спросил рыцарь без доспехов.

– Ты мне смотри, а то живо в гуся обращу, – пригрозила друидка на пенсии. – Пошли в дом, будем тебя запекать... то есть кормить! – видимо, бабка решила поиграть с Фэтом, решив, что тот все одно ничего не поймет.

Однако рыцарь догадался, что его жрать собираются, и уперся:

– Давай я тебя здесь подожду!

– Зачем? – удивилась Гага.

– А вдруг у тебя там постель не сложена и шмотки по всей избушке разбросаны?

– А ведь точно! – задумчиво погладила бородавку на подбородке Яба. – Ну, а ты чего, культурный такой – на постель смотреть стесняешься?

– Ага. Ты ее убери – тогда и зайду.

– Лады. Только учти – все равно не убежишь! – предупредила старуха.

Когда она скрылась в избе, Фэт выругался. Избушка аж набок накренилась, чтобы получше расслышать, чего там увальню в голову пришло. Однако рыцарский пинок под коленку мигом отрезвил охамевшее здание, и домик Гаги успокоился.

А Фэт сел на траву и, прислонившись к дереву, стал думать, как же выбраться из лап миловидной бабули.

Черт его знает, почему не пришло в голову просто убежать! Но, может, сильно разволновался или заблудиться еще сильнее боялся?

– Чего, помирать не хочется? – спросил кто-то.

Фэт покосился на кота, иронично щурившего на него единственный целый глаз.

– Конечно, нет. Это у вас там по девять жизней, а мне мою одну терять ну совсем не хочется!

– Ну, не у всех нас... Но мне, как почетному коту Гаги, столько и дали. Только толку с них? Кому я нужен, чтобы меня убивали здесь, в глухой чаще? Разве что ты на шкуру позаришься?

– Не позарюсь, добрый слишком! – почесал его за ухом рыцарь. – Как тебя звать хоть, котяра?

– Черноморд, – мрачно сказал котяра. – Во придумала бабка, да?

– Ага. Аж смешно немного.

– А мне как весело, знал бы! Все звери знакомые ржут!

– Ну, согласишься, Чернозад бы звучало куда хуже!

Кот подумал и согласился.

Они помолчали.

– А ты, похоже, неплохой парень! – сказал кот, легонько стукнув рыцаря хвостом. – А Гага уже свое отжила, я думаю. Хватит ей дворянство проезжее поедать... Будь здесь, я сейчас! – Черноморд нырнул в заросли.

Фэт запоздало вспомнил, что говорящих котов видеть ему еще не доводилось, и стоило бы хоть для виду изумленно раскрыть рот да обругать несовершенство мира совсем уж неприличными словами. Но кот убежал, а сквернословить попусту лентяй не привык. И, хотя легкое ошеломление, пусть и запоздалое, и несильное, бурлило в груди, рыцарь собрался с мыслями и стал гадать, чего же ему посоветует кот, чтобы одолеть зловредную Ябу.

Черноморд обернулся быстро: стоило рыцарю только раскрыть рот, как усатый крушитель бабушек уже протягивал ему горсть красных ягод.

– Намажься! – велел мурлыка, высыпав алые диковинки Фэту на пузо.

– Зачем? – удивился тот и рефлексивно кинул одну из ягод в рот. Словно что-то рвануло, большое и обжигающее, стремясь унести с собой еще целые зубы. Фэт скорее выплюнул мякоть на землю и еще долго ковырял ножом в зубах – губы порезал, но от зловредной гадости во рту избавился.

– Чтобы пахнуть хорошо да в баньку идти не надо было, – объяснил Черноморд, терпеливо выждав, пока лентяй отплюется. – На вот еще четыре ягоды, только теперь зеленые и чуть покрупней. Эти выдавишь в чай, что тебе Гага заварит.

– А потом чего?

– А потом, когда у нее уже терпение кончится и она тебя в печь запихивать начнет, думая, что ты ядом ослабленный, сунешь ведьму в пламя.

– В пламя? – ужаснулся Фэт. – Безобидную старушку?

– Знал бы ты, сколько она за свою жизнь таких вот остоло... рыцарей сожрать успела, понял бы, какая она безобидная! – фыркнул кот, дернув ухом.

– Сэр Жруно! – скрипнув петлями, дверь избы отворилась, и Фэт увидел Ябу. Подметил, что пока они тут с котом планы строили, Гага поспела умыться, расчесаться, переодеться и даже ягодкой красной губы ссохшиеся подкрасить. Походила она теперь больше не на лесную ведьму, а на молодящуюся старушку из деревни, встречающую сына с долгой войны.

«Может, она не всех дворян ест, а только злых и противных?» – подумал рыцарь мимоходом, однако кот, более сведущий в бабкиных выкрутасах, поспешно прошипел:

– Во расфуфырилась! Смотри, не забудь, чего тебе сказал, а то и тебя охмурит, глупого! – и скрылся в ставших почти родными зарослях.

– Чего ждешь, милоч? – Бабка, к счастью, не заметила Черноморда, а может, просто не захотела замечать. – Пошли, разденешься – да в баньку! – и скрылась в доме.

Фэт заторможенно потряс головой и, схватив охапку красных ягод, поспешно разжал их в руке. Красный сок брызнул в разные стороны. Пospешно измазавшись его остатками, Фэт пошел в избу.

– Ну, чего? Раздевайся давай! – Гага стояла у дальней стены с банным веником наизготовку.

– Да не надо, бабушка, в баньку-то: и так чистый! – виновато сказал рыцарь.

– Как это чистый? Как это чистый? – возмущенно закудаhtала Яба и бросилась стаскивать с Фэта рубашку.

Тут ей в нос ударил аромат ягодного сока. Гага скривилась:

– Тю! А ведь и вправду – чистый! За милю духами заморскими разит!

Фэт оправил помявшуюся рубаху (на белой ткани остались отнюдь не самые чистые отпечатки бабкиных рук) и, откашлявшись, сказал:

– А я вам чего говорил? Угостили б лучше чайком да баранкой какой или и того лучше – мясцом свежим!

Гага миготм забыла о баньке и засуетилась у стола. Скоро в большущей чашке дымился горячий чай с травами (как сказала бабка – «целебными»), а в тарелке посреди стола угрожающе высилась целая гора бубликов.

– Ого! – уважительно сказал Фэт, усаживаясь на лавку и подвигая это великолепие поближе. – Совсем другой разговор!

Естественно, он не забыл уговор кота Черноморда.

– Ой! Бабушка! – воскликнул рыцарь испуганно. – А не забыл ли я на порожке меч свой заговоренный? Его мне еще отец завещал носить да нечисть всякую охаживать...

Гагу как ветром сдуло из избы – только дверь протяжно скрипнула ей вослед. Фэт спокойно бросил пригоршню ягод в чай и хорошенько размешал, а Яба все не возвращалась.

Наконец дверь скрипнула вновь, и бабка, устало волоча ноги, села на табурет против рыцаря.

– Нет твоего меча ни на порожке, ни в кустах каких, что поблизости! – сообщила она, утирая лоб платком. – Ты кушай, а там, может, поищем!

Фэт согласно кивнул и, зачерпнув в жменю бубликов, весело захрустел.

Чай попался на редкость невкусным – то ли от бабкиной отравы, то ли от Черномордовых ягод, а то и вовсе от их поганой смеси. Рыцарь все время порывался плеснуть в нерадивую хозяйку кипятком из чашки, однако, раз за разом глядя в ее огромные голодные глаза, лишь тихо вздыхал и, бурча под нос очень уж неприличные слова в адрес бабки и кота, делал очередной глоток.

Бублики закончились быстро, скорее, чем чай в огромной кружке. Заедать вареву оказалось нечем, и Фэт, собравшись с духом, залпом допил остатки.

Горло обожгло, словно ядреным перцем, а в желудке как дракон погулял. Выкатив глаза, Фэт смотрел на бабку, алча праведной мести за гадкий чаек и не в силах ничего сказать.

Яба же, видимо, решила, что подействовал ее чудодейственный яд. Вскочив с табуретки, она сбросила на пол закрывающую жерло печки крышку и, схватив Фэта за руку, дернула, силясь поднять.

Однако Черноморд не обманул: вся сила, что была у деревенского лентяя, не растворилась в чашке отравленного чая, а осталась при нем. И теперь, когда злобная ведьма показала истинное лицо, можно было избавлять лес от этакой напасти.

Плюнув на ладони, Фэт поднял геройское седалище с лавки.

Глаза бабки в тот миг выросли до размеров хороших куриных яиц.

Рыцарь усмехнулся и подмигнул людоедке.

Напоследок.

Броску его позавидовал бы любой герой. Яба не успела даже охнуть, а уже лежала в огне, с переломанными костями, превращаясь в ароматный деликатес.

Фэт по-хозяйски прикрыл весь этот ужас заслонкой, не забыв плюнуть внутрь, чтобы громче шипело да трескало.

Внезапно дверь распахнулась, и в избу вбежали Элви с Кушегаром.

– Фэт, сволочуга! – прорычал учитель, отвешивая рыцарю смачного пинка под его геройский зад. – Мы тебя по всему лесу искали! Если б не кот тот, чернорылый, так и сожрала б тебя Яба... Где она, кстати?

– В печке, – невозмутимо отвечивал Фэт, словно все бабушки в мире предпочитали отлеживаться на горячих углях.

– А чего она там делает?

– Готовится!

– А, – только и сказал Кушегар, глупо улыбнувшись. – А я-то думал!..

И вышел прочь, бормоча что-то об идиотском турнире и некотором его участнике.

Элви волком посмотрела на Фэта, фыркнула и скрылась следом.

А победитель бабушек остался один – облизывать тарелку из-под бубликов.

Бродить по песку, рассыпаясь в пыль под немилосердно жгущим все живое солнцем, – испытание почище любого покера, пусть даже и с непобедимой машиной.

В кожаных сапогах почти слышно хлюпал пот, вся одежда покрылась мокрыми пятнами, а Пижон все шагал. Ни вампирской, ни обычной, человеческой, жажды он не испытывал, но вот капля усталости из давно сдавшейся и рассыпавшейся в песок земли передалась и ему. Ноги норовили заплестись и уронить тело в более удобное положение – лежа; не слушались руки, хотя кровосос напряженно пытался заставить их мешать любимую колоду.

Это был своеобразный талисман – та самая колода, с которой Пижон выиграл первую игру в покер. Тогда ему удалось обуть купца из Липпии и – на этом месте шулер любил делать значительную паузу – бывшего короля покера Стулосида, не знавшего поражений и невероятно удачливого. По слухам, он выигрывал даже в тех случаях, когда на руках отсутствовала хоть какая-то комбинация: либо противники пасовали, боясь проиграть все, либо у них вообще не было стоящих карт. Иных случаев вампир не помнил.

Эх, его бы сюда, со злостью подумал Пижон. Знал бы Стулосид, как тяжело быть вампиром-картежником у мага на побегушках, наверняка спрятал бы все колоды в железный сундук и, довесив грузы, скинул его в море.

От мыслей Пижона отвлекла выросшая прямо по курсу табличка.

«Големский дом – вниз, треть мили. С картами – не входить!»

«Как это вниз? – мелькнуло в голове у вампира. – Это мне что, копать?»

Любимая колода, шурша прощальным вздохом хозяина, упала на песок.

Пижон уже собирался разгрести, песок под ногами, когда тот неожиданно начал засасывать вурдалака в себя.

Миг – и о пребывании шулера на Срединном напоминал только ворох разброшенных карт.

Долго лететь не пришлось, но приземление оказалось, по закону подлости, жестким. Какой-то умник, будто смеясь над древней пословицей, разбросал по всему полу каменной «клетки» пучки соломы.

«Да уж, – подумал Пижон запоздало. – Говорила мне мама – в фантики играй, а не в эту дурь с картинками!»

Однако мамы давно не было в живых, да и надгробие ее находилось в очень далеком от Срединного городке, и слов блудного сынка она, конечно, не слышала.

И Пижон, разумеется, не хотел так уж скоро составить ей компанию. Именно поэтому, как и всякий уважающий себя мошенник, он решил оглядеться: надо ведь хоть немного представлять, в какую кучу и какой ногой вляпался!

Куча оказалась плохо пахнущей: никаких дверей, окон. Только стол посередке на низких ножках, да пара мягких подушек по обеим сторонам.

«И как я вообще сюда провалился?» – подумал вампир, усаживаясь на одну из них.

Внезапный сигнал и последовавший за ним скрежет доказали, что в картах Пижон понимает намного лучше, чем в темницах. Оставалось надеяться, что дверь открывал не зубастый монстр, а тот самый голем, у которого надо скру... тьфу, выиграть золотую гайку.

Впрочем, железного человека в нем можно было опознать только по скрипящим суставам и чуть резким, неестественным, движениям.

– День добрый, паря, – сказал голем.

Пижон удивился такому обращению со стороны глупой машины, но виду не подал и ответил в тон:

– И тебе, развалюха. В покер не разучился еще?

– Да нет. Двести лет не играл, но помню все, как будто вчера случилось! – железный человек сел напротив и подпер ладонью блестящую в тусклом свете (стен?) голову. – Помнится, тогда привалил шулер почище тебя...

– И чего, выиграл? – с надеждой спросил вампир.

– Ага. До сих пор где-то выигрыш ищет. В могиле, – голем засмеялся. Противным, скрипучим смехом.

Вурдалак поддержал его натянутой улыбкой и постарался убедить себя, что ему, бессмертному, ничто не угрожает.

– Ну, что, начнем? – В руках голема появилась колода.

– Дай-ка глянуть, – протянул руку Пижон.

Железный смерил его взглядом, не обещавшим ничего хорошего, однако колоду все же дал. Вурдалак пробежал по ней взглядом истинного профессионала и, важно кивнув, вернул: колода была чиста и непорочна, если, конечно, можно так сказать в отношении карт.

– Что же, начинаем? – сощурился голем. Поистине над ним работал не только искусный мастер, но и великий маг: мимика у железного была идеальная.

Вурдалак мысленно предал анафеме и так уже проклятого мага и нового соперника, с которым не то что как играть – как себя вести не знаешь.

Но человеком стать не расхотелось.

– Начнем.

В избе, кроме запаса соли на пару лет вперед да не особо аппетитных мышей, ничего полезного не нашлось. Есть печеную людоедку отказался даже кот: с кончиной старушки ему открылся путь к сметане, которая была во много раз вкуснее старухи.

А троица героев отправилась по указанной котом тропе к единственному пути через лес – болоту василисков.

Самой интересной чертой этого природного ужаса было то, что топь появилась гораздо позже ящеров. Так и неясно до сих пор, отчего она вдруг решила возникнуть. Умники кричали, что это чудовищное заклятие неизвестного мага древности, но обычный люд не особо и верил. Зачастую эти неверующие хватали подобных крикунов в охапку и, крича: «Вся магия – в добро!», бросали несчастного в болото. Брошенные, конечно, пузырями давились и зеленели. Порой и всплывать пытались, да только топь не выпускала их из голодного чрева. Так и помирали умники один за другим.

А потом все прекратилось. И кто его знает, в чем причина: то ли умников не стало, то ли просто рты позакрывали, то ли обычному люду надоело за ними бегать да через весь лес к трясине тащить.

Да и василиски не скучали: по одному-два человека сжигали, а третьего оставляли на десерт.

Болото приближалось с неминуемостью утренней зевоты.

Огромные лягухи, способные на лету скушать хорошего воробья, с каждым новым «ква» все сильнее бесили Элви.

– Чего вы меня сюда потащили? – канючила она, повиснув у Фэта на шее.

– Тут еще разобраться надо – кто кого тащил! – замечал Кушегар, прорубая путь мечом.

С каждым шагом лес редел все больше и больше – несомненно, гиблое место было уже рядом.

Фэт, единственный, сохранял завидное спокойствие: в железных доспехах на босу ногу можно не визжать от лягушек и не слать куда подальше надоедливую волшебницу.

Однако при виде топи он порядком струхнул. Особенно когда воочию узрел одного из василисков.

Над коричневой гладью порхал глупый ворон. Падалью на болоте не сильно и разживешься, но тощая птица настолько обезумела от голода, что пошла на риск.

И тогда, разметывая тину, высунулась наружу голова огнедышащего ящера.

Ворон не успел даже пикнуть: столб пламени опалил ему крылья, и, как ни пытался падальщик набрать высоту, ничего у него не вышло.

Кроме как провалиться в бездонную пасть изжарившего его василиска, конечно.

Тот, съев добычу, на радостях плюнул еще двумя язычками пламени и лишь тогда скрылся под тиной.

В общем, не слишком веселая перспектива получалась...

Но Фэту, как всегда, пришла в голову гениальнейшая идея.

– Стрит! – равнодушно сказал голем, разлаживая карты.

Пижон недовольно насупился: искусственный болванчик играл слишком хорошо для насквозь проржавевшей железки.

– Фул-хаус, – его слова эхом разлетелись по маленькой комнатке.

Голем вздрогнул: похоже, такого поворота событий он не ожидал.

– Сколько мы сыграли? Три? – спросил железный человек и, не дожидаясь ответа, кивнул:

– Да, я уже проиграл, знаю. Можешь идти и рассказать всем, как ты обыграл меня – самого меня! – в покер. Мне уже... – голем, скрипя, встал и пошел к двери, – ... все равно...

– Эй! – окликнул его вампир.

– Что? – голем повернулся. Железные брови, массивные и черные, словно уголь, вползли почти что на лоб.

– Выигрыш отдай, – хрипло напомнил Пижон. Хотя чего он так переживает? Что голем может обмануть и что тогда двое суток потрачены зря? Да ну – оно ему надо?

– А! – «опомнился» голем и, поковырявшись в несмазанном ухе, бросил шулеру заветную гайку. – Только вот зачем она тебе?..

И вышел из комнаты, то и дело непонятливо пожимая плечами.

Кушегар с интересом выслушал план Фэта.

– Дурак, – такова была его реакция, после которой благородный дворянин уселся на поросший болотной травой холмик.

Рыцарь обиженно насупился: чего ему опять не так, этому напыщенному индюку? Все, что от него требуется – не мешать Фэту, а он даже этого делать не хочет!

– И не дурак совсем!

– Дурак-дурак, – заверил лентяя Комод. – Только полному идиоту могла прийти в голову идея затопить болото пивом!

Растерянный, Фэт повернулся к Элви, ища защиты.

– А по-моему, план неплохой, – задумчиво сказала она. – Только вот тебе придется не есть и не пить пару дней. А в остальном – просто и гениально!

– Как это «не есть»? – ужаснулся герой несуществующих сказаний. – Да я от немоги кружку выроню!

– И вправду, – снова согласилась Элви. – Тогда сделаем так: ты будешь заливать их из кружки, а мы с Кушегаром – еду тебе подносить.

– А пить?

– А кружка тебе на что?

– Понятно...

Комод оглядел спутников, надеясь выявить среди них умалишенного (а то и обоих бы сразу – да в Желтый Дом⁴) и, не найдя, со звучным кряканьем встал.

– Давайте тогда приступать, – сказал он, отряхивая испачканные грязью штаны. – Иди, огне... тушитель ты наш!

Фэт даже не заметил иронии: слово «огнетушитель» так понравилось ему, что он, тихо его повторяя и неизменно улыбаясь, пошел к топкому берегу.

– Ну, а мы давай пока на ужин что-нибудь сварганим! – Барон повернулся к Элви. – Ты стряпать умеешь?

Девушка растерянно улыбнулась.

– На тогда топор, – Комод без церемоний вручил ей фэтовскую секиру, – и живо за хвостом!

Волшебница хотела было надуться, но решила, что за вкусный обед можно и повкалывать, а потому пустилась в чашу, с трудом волоча за собой здоровенное оружие – просто, для виду: наломать хворосту – не город сжечь, много силы не надо.

Комод тем временем засучил рукава и, взяв нож, с мастерством записного повара пустился в дебри кулинарии.

А Фэт уже начал лить пиво в болото.

По его скромным подсчетам, течь в воду пиво должно было не меньше дня, а то и двух – иначе нужного эффекта не получится.

Вот только тот василиск, что сидел на бугорке в нескольких шагах перед Фэтом, не слишком мило улыбнулся двумя десятками острых зубов и пустил из носа пар – совсем уж не по-дружески.

А потом нырнул в пучину.

Ночную тишину нарушал только звук льющегося в болото пива.

Выхода из убежища не было.

Уж вампир, с его-то зрением, вряд ли мог упустить из виду дверь, окно или хотя бы мышиную норку.

Все абсолютно ровно, ни одной царапинки. Так и хотелось чем-то тяжелым да острым, с плеча да с оттяжкой...

Но Пижон знал, толку от этого не будет: все вокруг пропитано настолько древней магией, что дух захватывает, когда понимаешь, где очутился.

Но у вампиров нет духа.

Есть только голод.

Нет, конечно, была еще надежда. Упование на возвращение в мир обычных людей.

Которое, после ухода голема, с каждой минутой все затухало, затухало...

Впервые за бытность свою вампиром Пижон уснул.

Ему снились поля, где он бегал еще мальчишкой, деревенские «герои», которых ветром сносило...

Позже снились башенки королевского дворца, опалами крыш блестевшие в свете солнца.

---

⁴ Больница для буйно помешанных больных, которые почти не соображают. За триста лет существования Дом пропустил через свои стены 13047 королей, 5948 драконов, 1300 чертей и даже 3 Богов. Надеюсь, не стоит уточнять, что все эти короли-драконы и прочие были всего лишь психами, странным образом слишком вжившимися в какой-то образ.

И Элви...

«Где же ты теперь, любимая? Учишься ли еще в академии или, может, уже ищешь меня по всему Астрату? Право, не стоит. Я сам тебя найду... вот только верну человеческий облик...»

Перед глазами – мрак зимнего вечера, едва различимые силуэты.

И белый, чистый снег.

Нечасто можно встретить тролля в библиотеке.

Тем более с толстенной энциклопедией «Всемирная фауна».

Вот и Валентину такой тролль не встретился. Даже без энциклопедии.

«Досадно! – подумал Валентин, задумчиво глядя на посапывающего в углу библиотекаря. – Действительно досадно!»

Он почему-то думал, что тролль придет в библиотеку именно сегодня. Однако косолапый монстр даже не подозревал о существовании Валентина и потому наверняка отправился в какую-нибудь корчму, чтобы выпить темного пива и рассказать паре собутыльников о невероятных похождениях. Вроде «он меня оглоблей, а я его телегой» или «рубилась три дня и три ночи, пока не отрубилась...»

В руках Валентина, словно по волшебству, появилась ручка и записная книжка. Открыв блокнот на нужной странице, Вал зачеркнул «Тролль. Библиотека. Всемирная фауна». Пробежал взглядом по строчкам и закрыл ежедневник.

Новая задача. На сей раз намного сложнее и ответственнее, потому как отступить от нее нельзя. Под страхом увольнения.

Валентин что-то прошептал себе под нос и щелкнул пальцами. Сизый дым окутал его с ног до головы.

Библиотекарь громко чихнул и открыл глаза:

– Что за?.. – и замер, удивленно оглядываясь по сторонам: читальный зал был девственно пуст.

– Получи, гадина! – пена окатила до смерти перепуганного василиска.

Ящер, не зная, что и делать, «рыбкой» нырнул в муть болота, громко шипя раскаленной чешуей.

– И так будет со всеми! – грозно сверкая очами, заверил Фэт.

На лес грязным покрывалом легла туманная ночь. Филины спорили друг с другом, заполнив утробным «Ух!» всю округу.

Вдалеке ныли волки, а в кустах неподалеку от стоянки устроилась парочка кроликов. Оба были настолько увлечены производством новых грызунов, что и дернуться не успели, когда Комод бесшумно раздвинул листья и ухватил обоих за уши.

– Вот и ужин нашему герою! – не без издевки сказал он.

Фэт мученически вздохнул: есть хотелось ужасно, а эти – когда еще приготовятся!

– Не хнычь, солдат! – подбодрил его Кушегар. – Тяжело в мучении...

– ... а в бою тяжелее! – чуть ли не простонал парень: ужасно болела рука.

– Точно! О, Элви, ты уже и хворосту принесла?... А я пару зверьков отловил. Как думаешь, одного нам, второго – троглодиту? – с сомнением покосился барон на лентяя.

Фэт не успел ничего ответить, как из болотной ряски выскочило нечто, похожее на лягушку, только раза в четыре больше.

Мозги еще не успели включиться, а подсознание уже яростно воскликнуло: «Эта тварь за едою пришла!»

Такого попустительства стерпеть было нельзя. Поэтому кружка с громким звуком встретила лоб жабы-переростка крепким дном.

Квакнув напоследок, лягушка улетела обратно и больше не показывалась.

– Это чего было? – в один голос ахнули Кушегар и Фэт, разом переведя взгляды на Элви.
– Троглодит, не к ночи помянут будет, – спокойно ответила волшебница, опытным движением сдирая с кролика шкурку.

– А... чего... Он? – хлопая ртом, как рыба, выдавил Комод.

– Ты ж его сам позвал. Сказал, что вторую порцию ему отдать надо, вот он на зов и выпрыгнул!

Кушегар нервно усмехнулся:

– Ну и твари тут водятся, хуже Фэта...

– Дык, конечно, – согласился рыцарь. – Я ж не тварь!

– Ага. Просто дурак.

– Почему это?

– Завтра вечером узнаешь, когда с твоих стараний толку окажется не больше, чем с паршивой овцы – шерсти. Лучше б мне магулет найти помог – запропастился куда-то, фиг сыщешь! Или я его вовсе в избе забыл?..

Рыцарь насупился, но лить продолжил: каким бы дурацким и глупым не был план, он его выполнит. Хотя бы потому, что это его план.

– Дядя Гозмо, а, дядя Гозмо? – девчонка в разноцветном костюме ловко запрыгнула на козлы рядом с возницей.

– Ну, чего тебе?

– А куда мы едем?

– Знамо куда – в Салатово! Там недельку побудем – и в сам Резаран рванем. Ух, денежки к нам побегут!..

– Ах, дядя Гозмо! – девчонка весело рассмеялась и повисла у Гозмо на шее. – Как же я вас люблю!

– Да будет, будет! – неуверенно хохотнул тот. – Развела тут... это самое... сопли! Скоро меня в них утопишь!

Девчонка фыркнула и еще сильнее прижалась к нему. Старик растроганно шмыгнул носом.

Цирк дядюшки Гозмо вновь отправлялся в долгий тур по городам Ариана. Для молодой, но подающей большие надежды эльфийки Кларетты эти гастроли были первыми в жизни. Для Гозмо... Впрочем, циркач уже давно сбился со счета. Главное, что в каждом городе его узнавали и, тыча в сторону балагана пальцем, кричали: «Глядите! Старик Гозмо приехал!». Циркачей любили и в обиду не давали.

Но от нападения разбойников не застрахован никто.

Дорогу телеге преградили четверо в черных масках-повязках.

Кони испуганно заржали и стали на месте: один из грабителей, с рыжими волосами, держал за ошейник огромного волкодава, с клыков которого безостановочно капала слюна.

Гозмо тихо чертыхнулся. Рука его потянулась к висевшим на поясе метательным ножам.

Один из разбойников увидел это и попытался предупредить товарищей, но бросок Гозмо вышел чертовски быстрым и метким: грабитель упал с ножом в правой глазнице.

Остальные лиходеи оказались не в пример ловчее погибшего товарища: двое откатились в сторону, а рыжий отпустил ошейник волкодава, и монстр с радостным предвкушением рванул к добыче.

Второй нож Гозмо ушел в молоко: серый зверь оказался слишком быстр. Легко увернувшись от просвистевшей в паре дюймов от загривка смерти, волкодав растянулся в длиннющем прыжке.

Старик выхватил из ножен короткий охотничий кинжал и выставил его перед собой. Он прекрасно понимал, что смерти уже не миновать, но хотел спасти хотя бы друзей.

Волкодав, одурманенный свободой, не заметил кинжала и просто нанизал себя на него. Будь на месте серого монстра обычный пес, он бы мгновенно испустил дух. Однако волкодав успел широко раскрыть пасть и с упоением впиться в горло дядюшки Гозмо. Старик бросил последний взгляд в сторону Кларетты и испустил дух.

Из фургончика выбежал атлет Семерро и братья-клоуны Гиббисы. Силач сжимал в руках трехпудовую гирию, а весельчаки вооружились двумя одинаковыми мечами.

Циркачи сцепились с оставшимися тремя разбойниками, а эльфийка, давась слезами, прижалась к остывающему телу Гозмо – ее любимого дядюшки.

Чья-то рука легла ей на плечо. Девочка, утерев слезы, оглянулась. Открыла рот от удивления.

– Пойдем, – тихо, но твердо велел ей человек в белом платье. Впрочем, вряд ли это был человек: эльфийка считала, что так могут выглядеть только ангелы; благообразный, чистый, казалось, дотронешься пальцем – исчезнет, словно морок во время жары... – Тебе не место среди этой бойни.

Она неуверенно кивнула.

Ангел протянул девочке руку. Кларетта сжала ее маленькими тонкими пальчиками, как только могла, и ангел грустно улыбнулся: забирая девушку отсюда, он оставляет очень большую ее часть здесь, на лесной дороге.

Но по-другому нельзя.

Валентин потянул Кларетту за собой.

Когда разбойники покончили с Семерро и братцами, эльфийки уже и след простыл.

А Пижон, развалившись на полу стеклянной «тюрьмы», с упоением смотрел так давно не посещавший его сон.

Вьюга. Ветки деревьев сгибались под тяжестью осевшего на них снега. Ветер бросал комья в лицо юнца, идущего против его порывов, словно пытаясь сбить его с верной дороги. Но парень шел, не думая о передышке.

В лунном свете, совсем рядом, Пижон – именно он был тем самым парнишкой – разглядел темные силуэты. Судя по очертаниям, обладатели их давно уже минули возраст мальчонки, раздались в плечах да обзавелись неплохими мечами. Впрочем, сам шулер тогда в оружии разбирался не более чем в драконьих болячках. Для него любой меч, блестящий в свете луны или солнца, был «неплохим».

Его заметили. Да и как не заметить, при полной-то луне, человека в черном, бредущего по усыпанной снегом просеке?

– Эй, дружок, – достаточно миролюбиво и недостаточно натурально обратился к юнцу один из силуэтов. Голос у него был хрипучий, басовитый. – Не подскажешь, как пройти к городу?

– Я не знаю дороги, – покачал головой Пижон. – Я сам заблудился!

Это было чистейшей правдой: возвращаясь с очередного «большого праздника жизни», Пижон таки заплутал. Приходилось идти почти что наугад, надеясь в конце концов с радостью прочесть «Стерринг. Въезд – через главные ворота».

Хриплому такой ответ то ли не понравился, то ли он действительно не очень доверял людям и всегда ждал подвоха, но, как бы то ни было, он сплюнул Пижону под ноги и нагло заявил:

– Ты на моей земле, пацан. Плати деньги и проваливай.

«Ах, как всегда!.. – разочарованно подумал картежник. – И почему им в голову не придет что-нибудь дельное, новое, оригинальное?»

– Чего молчишь? – ухмыльнулся тот, что стоял подле Хриплого. – Коли денег нет... давай, штаны сымай, будем так за прогулку рассчитываться!

– Ага, конечно, – разыгрывая податливую овечку, «проблеял» Пижон: из рукава в руку, обдав ладонь легким холодком, выкатилось лезвие ножа. – Сейчас...

Героем он не был никогда, но улица с малолетства научила «кто первый бьет – того и кошелек».

Приятель Хриплого упал, схватившись за кровоточащее горло. Пижон уже думал, что грабители испугаются его грозного выпада и убегут, петляя по снегу, когда предводитель шайки воздел руку вверх и указующим перстом ткнул в мальчугана:

– Убить!

И бежать пришлось Пижону...

С каждым шагом снег становился все глубже и глубже; когда его уровень достиг колена, пришлось перейти на скорую ходьбу, проще говоря, делать так, как не повел бы себя ни один человек, гонись за ним пять озлобленных смертью товарища грабителей.

Однако нужно было бежать и не думать...

Ну, или хотя бы быстро идти.

Не всякий раз увидишь, как бежит по натянутому меж домами канату чернокожий, белозубо скалящийся циркач. А если внизу, на сколоченном наспех помосте, бесятся в клетках полосатые тигры, чинно вышагивает на задних лапах зеленая кошка, а удав рассказывает сказки и умеет считать до трех, то на такое представление сбежится весь город. И в самом деле: не каждый день на дворцовой площади выступают циркачи!

Не было их и на этот раз.

Не брать же в расчет молоденькую эльфийку, робко жонглирующую яблоками у видавшего виды фонтана?

– Ты послушай меня, братец Горрац, послушай хорошенько: если нет хоботатых слонов, силачей или хотя бы заваливавшегося клоуна, этот цирк – не цирк! – толстощекий бюргер значимо поднял палец. – А если девчонка не циркачка, то что? Знамо – попрошайка и грабительница, а значит, место ей в тюрьме! В тюрьме, почтенный Горрац!

– Ты это... того... – стражник озадаченно поскреб пятерней затылок, высморкался в подол бюргерского платья и, решившись, направился к девочке.

Кларетта слишком поздно заметила опасность. Грязная лапа ухватила девушку за плечо. Яблоки посыпались на мостовую, раздалось оглушительное «Пчхи!», сизый дымок окутал эльфийку и...

В руках у стражника Горраца остались алая ленточка и яблоко.

– Это... того... – воин задумчиво надкусил плод, несколько раз, разбрасывая крошки белой мякоти, чавкнул и, сунув ленточку в кошель, направился прочь.

Высунувшийся наружу червяк презрительно фыркнул.

– Ну, вот, – гордо выпятив грудь, сообщил Фэт. – Что я вам говорил – готовенькие!

Кушегар, выворачивая мешок наизнанку, посмотрел на болото. Секундой позже подняла глаза Элви.

Оба разом раскрыли рты и тихо, про себя, выругались.

Когда бы еще довелось увидеть плавающих лапами кверху и безостановочно икающих василисков, если бы не Фэт с его волшебной кружкой?!

– Надо переплыть, – сказал рыцарь важно. После долгого стояния на краю трясины Фэт все же нашел в себе силы вытереть подарок Куры пучком травы и засунуть его в седельную сумку.

– В точку, – хмыкнул Кушегар. – Только как? Может, у тебя в мешке еще и дракон есть, раскладной?

– Почему раскладной?

– Потому что другой не влезет.

– Не-а, – поскреб затылок Фэт. – Я вот думал... плот связать, может? Поможешь же, да?

– А вот это идея! – одобрительно кивнул дворянин. Жаба, душившая его по поводу выполненного Фэтом плана о василисках и пиве, торопливо поскакала обратно в болото. – Пойдем. А ты, Элви, за вещами посмотри и на ящеров этих, огненных. Если что – заливай их пивом из фэтовой кружки!

Волшебница в ответ шутливо отдала честь Кушегару. Завсегдатай званных вечеров и банкетов тут же зарделся и пинками погнал рыцаря в чашу. К сожалению, он не сразу понял, что их небольшой отряд попал в заросли колючки.

Через полчаса шесть толстых стволов лежали, крепко-накрепко связанные отыскавшейся в сумке Кушегара веревкой.

А учитель и ученик выдирали из рук последние иголки.

– Ну, спускать? – спросил Фэт, когда барон еще раз осмотрел плот и дал добро.

– Ага, – немного отрешенно бросил дворянин, увлеченно рассматривая болото. – Если б было море пивом...

Но ни Фэт, ни волшебница уже не слышали увлеченно вещающего Кушегара. Они толкали плот в болото, что, как оказалось, совсем непросто.

– Эх, неучи, – сплюнул в траву дворянин. – То ли дело я в их годы...

Детство у Кушегара действительно было очень увлекательным и запоминающимся: в юношеские годы он не пропускал ни одной юбки. Отец еще всегда спрашивал: «А зачем тебе столько, если ты все равно ни одну не носишь?» и часто наказывал сына ремнем, чтобы больше думал о предстоящем крещении в рыцари.

«Ты, может, и на герб наш юбку засунешь? – порицал его строгий родитель. – А что? Дракон в юбке!» – и долго хохотал.

Маленький Кушегар обычно вприпрыжку бежал на кухню, к маме, и, громко чавкая, дулся на папу в компании куриной ножки и ломтя хлеба.

Впрочем, воспоминания воспоминаниями, а плот тем временем, несмотря на все упреки Комода, был уже на воде. Досадливо крикнув, дворянин подхватил сумку и неспешно зашел на «палубу».

– Гребите, чего уставились? – велел он под взглядами спутников. – Плот наш сам не поплывет – у него ни паруса, ни заклятия.

Элви закатила глаза и «упала в обморок» на одну из сумок. Рыцарь вздохнул и взялся за самодельные весла.

Плот тронулся.

– Когда мы придем, Вал? Когда? Я устала, – тихий, ровный голос.

– Скоро, Малышка, – как легко, неожиданно просто далось ему это прозвище. Он пробовал называть так других, но слова всегда глохли в глотке. Валентин улыбнулся и задумчиво повторил: – Скоро... Малышка.

– Мы идем... сколько? Куда? Я не знаю. Я ничего не знаю, Вал. Ты оставляешь меня в странных местах, я вижу странных людей, иногда они приветливы, иногда, как сегодня... Я устала, Валентин, очень устала.

– Скоро, Малышка... скоро.

Слишком.

Завтра она встретит своего Единственного. Такое бывает очень редко – ведь Валентин один, а смертных... смертных излишне много. Но иногда он успевает, и тогда две судьбы становятся одной, а разделенные половинки вопреки всему объединяются в целое. Кем он будет, ее Единственный? Высокий стройный принц на белом коне? Жестокий, злой к врагам, но такой теплый дома Лорд Севера? Или все же печальный менестрель из Желтого Леса?

Кто ты? Какой ты – ее Единственный?

Он никогда не видел этого человека и, наверное, никогда не увидит. Довести, привести Кла... Малышку, а там... Стоит им встретиться...

... Их взгляды соприкоснулись: молодая эльфийка и он – ее Единственный. Взмах дирижерского смычка, молния, вселенский пожар, ревущее пламя, обрушившаяся дамба, стремительный ледяной беспощадный поток – на миг и...

Любовь навсегда.

Единственные могут прожить вместе до старости, а могут сгинуть, пропасть сразу, но любовь их – к счастью или к гибели – вечна.

– Мы идем очень долго. Почему? – улыбнулась Кларетта. – Почему, а? Вал?

И вправду – почему?

Разве это проблема для него, разве это сложность – пройти незримый путь? Ему, который может за миг осилить сотни лиг или изредка дюжину часов, ему, могущему достать из любого мира нужную вещь, ему, Валентину?

Почему же дорога никак не заканчивается?

Туннель выводил то к замшелому пню на светлой, поросшей земляникой поляне, то к потрескавшемуся черному фонтану на грязной площади, то... да мало ли куда выводил. И каждый раз Валентин видел Малышку по-разному. Смешная девочка, объедающаяся красными ягодами; грустная девушка в отблесках костра, порою такая домашняя, маленькая, тихая, грустная, поющая что-то эльфийское... Порой – веселая, быстрая, ловкая, словно кошка, смелая циркачка.

Каждый раз было по-разному.

И завтра все это закончится.

Потому что Валентин, наконец, понял.

Путь зависел только от него. Он хотел, чтобы они шли долго, и они шли.

Слишком.

Завтра – уже не успеть, не достать того, что было так близко, так рядом, до чего еще вчера можно было легко дотянуться.

Однако же, как не хотелось отдавать Малышку в объятия этому Единственному, сэру Никто!..

– Я искала тебя ночами темными... – тихонько напевала себе под нос Кларетта.

Валентин вздрогнул: похоже, чем ближе они подходили к цели путешествия, тем сильнее Малышка чувствовала избранника. Еще не понимала, но где-то внутри себя ощущала его близость.

– Куда мы идем, Вал? – вновь заканючила эльфийка. Ее тонкие пальцы бегали по тоненькой хворостине, словно это никакая не деревяшка, а самая настоящая дудочка.

– Не начинай снова, Малышка. Я же сказал: скоро узнаешь.

– Я не хочу знать скоро. Хочу сейчас. – Кларетта обиженно надула щеки.

– Не делай так больше.

– Почему?

– На жабу похожа.

Кларетта презрительно фыркнула: мол, это еще разобаться надо, кто больше на жабу похож! Однако говорить вслух не стала, понимая, что Вал спорить не будет; просто усмехнется, соглашаясь: пусть так – мне все равно. Станный. Вечно спокойный, безразличный, словно камень. Порою он был невыносим!

Зато вчера – удивительно! – он помогал ей собирать землянику в передник, грустно улыбался, напевал что-то, с ним было так чудесно весело, до ужаса интересно и еще... тепло. А сегодня – откуда? Почему? – он снова спрятался в непробиваемую раковину, выпитив наружу холод и безразличие.

Валентин все понимал. Он и сам был бы рад плюнуть на весь свой пафос, добро, по-честному посмеяться в компании девушки над ее шуточками и безобидными шпильками; однако непривычный зуд в сердце не позволял расслабиться, полностью отдаться чувствам. Вал не понимал, что с ним случилось: почему при каждом удобном случае он стремится хотя бы одним глазом посмотреть в ее сторону? Почему нежно укрывает плащом на привалах? Почему до утра не может заснуть, глядя на нее, спящую?

Несмотря на прожитые столетия, Вал не находил ответа.

Это был словно злой рок: он, Валентин, лучший работник Небесной Канцелярии, бесстрастный, порой даже жесткий, но очень ответственный, не мог признать себе, что любит.

Любит?

Да, наверное, это чувство можно назвать любовью.

Вал никогда не любил. Это может показаться смешным: сколько удачно законченных операций, грамот и орденов от начальства за великолепную работу и незаурядное трудолюбие, – а он так и не познал то, что дарил другим множество веков!

Вот только Валентину было не до смеха.

На сей раз он все же уснул.

Глава 3

ОХОТНИК ЗА СКАЛЬПАМИ, или ГРЕЧИШНОЕ ПИВО

Пижона разбудило сердитое кудахтанье у самого уха.

Он сонно отмахнулся от неизвестного пристава, за что тот немедля клюнул вампира и одарил новой порцией нотаций на курином.

Шулер поворочался для вида еще несколько минут, после чего соблаговолил открыть глаза. И изумиться.

– Чего уставился? – злобно прокудахтала курица. – Не так чего-то?

– Ни... ничего, – поспешно ответил вампир. – Только как ты здесь оказалась и почему... почему умеешь говорить?

– Научили, наверное, – с сарказмом заметила курица. – В общем, зовут меня Золотая Кура. Слышал, наверное? Вот и отлично. Исполню любое твое желание.

– Правда? – обрадовался кровосос.

– Работа! – пожала крыльями Кура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.